

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АНДРЕЙ

МАКСИМУШКИН

Бомбардировщики

Андрей Максимушкин

Советская Британия

«ЭКСМО»

2010

Максимушкин А.

Советская Британия / А. Максимушкин — «Эксмо»,
2010 — (Бомбардировщики)

После вероломного и коварного нападения британских ВВС на бакинские нефтепроводы советские моряки и летчики, объединившись с германскими союзниками, обрушили всю мощь на Соединенное Королевство. В жарких схватках на просторах Атлантики они сокрушили могущество Империи, над которой никогда не заходит солнце. Поражение британских империалистов оказалось неминуемым и привело к перекраиванию карты Европы. Но едва отгремели бои, как появился еще один претендент на мировое господство. Теперь уже у берегов Аргентины бывшие союзники вынуждены снова продемонстрировать свою силу. Ведь история не знает сслагательного наклонения.

Содержание

Часть I	5
1	5
2	11
3	17
4	23
5	30
6	36
7	43
8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Максимушкин

Советская Британия

Часть I

Огненное море

1

Океанские волны одна за другой перекатываются через покатую спину подводной лодки. Пенные валы играючи захлестывают орудийную площадку и с грохотом разбиваются о рубку. Атлантика штормит. Серое, затянутое плотной свинцовой пеленой небо ощутимо давит на плечи. Кажется, над головой повисла тяжелая каменная плита.

Огромный океан пустынен. От горизонта и до горизонта ни черточки, ни темного пятнышка, ни дымка. Только серые водяные валы сливаются с серым небом, и клочья пены срываются с гребней волн. Вокруг никого, только безграничная водная пустота, безбрежность, одиночество. Только одинокая подводная лодка упрямо пробивается на северо-восток.

Иногда стиснутым в корабельных отсеках людям кажется, что они остались совершенно одни посреди бескрайнего океана. А вокруг ничего нет. Нет ни кораблей, ни суши, исчезли, утонули в волнах далекие континенты и острова, упокоились на дне пучины шумные города и родные порты. Нет ничего. Вообще ничего вокруг. И даже морские птицы покинули эту суровую залитую водой планету. На всей Земле только бескрайний штормящий океан, волны, клочья пены и тяжелое свинцовое небо, готовое в любой момент разродиться холодным дождем. Волны от горизонта и до горизонта, на все стороны света.

– Штормит. Ветер усиливается, – раздраженно пробурчал капитан-лейтенант Виктор Николаевич Котлов, выколачивая трубку о поручень.

Несмотря на защитные козырьки над ограждением носовой части мостика, по дождевику командира скатывались ручьи. Бившие в правую скулу волны дотягивались и до рубки, брызги перехлестывали через невысокие стенки защиты кормовой части мостика.

– Меняем курс? – деловито поинтересовался штурман Серебряков, протирая глаза.

Имевшего несчастье не вовремя пройти до площадки зенитного полуавтомата беднягу окатило водой с ног до головы. Штурман хотел было вытереть линзы бинокля и только грустно скривился – нечем. Все насквозь мокрое. Вода попала даже под дождевик. Придется после вахты первым делом переодеться и сушить свитер. Не хватало еще простыть в боевом походе.

Мало того, что командир и вахтенный промокли насквозь, так было еще холодно. Начало октября в северной Атлантике весьма мерзопакостное время года. Впрочем, на подводных лодках в шторм всегда неуютно. Серебряков с грустью на глазах размышлял о превратностях бытия и кривых руках судостроителей. Переживал он молча, но про себя сыпал проклятиями на чем свет стоит. Так хоть немного согреешься.

Это только наши доморощенные корабли могли додуматься соорудить морскую подлодку с такой низкой рубкой и врожденной склонностью к заливанию волнами. Сами небось море только на картинках видели! Идиоты безрукие! Халтурщики! Это ж надо додуматься до подобного, да еще суметь совместить в одном корабле недопустимо большой запас плавучести и отвратную мореходность! Нет, это только наши энтузиасты на такое способны.

Склоняя корабелов на все стороны, лейтенант совершенно забыл, что ему еще несказанно повезло – Д-3 прошла капитальный ремонт и модернизацию. Как раз к началу войны

успели. Экипажу однотипной Д-1 «Декабрист» приходится куда хуже, вместо заводских ступеней корабль отправили в море. Рубка у них ниже, ограждение мостика не превышает рост человека, как на «Красногвардейце», а всего лишь метр высотой. Да еще большую часть мостика занимает 102-мм орудие. Раритет послереволюционных времен возрождения флота, однако.

– Сколько еще топать до пролива? – интересуется Котлов.

– Двое суток десятиузловым ходом, если волнение не стихнет и солярки хватит.

– Соляры нам хватит, – усмехается командир.

– А стоит ли ломиться через непогоду? – осторожно интересуется штурман.

– Сам вижу. – Капитан-лейтенант Котлов уже задумывался, а не стоит ли сбавить ход.

Напоминание штурмана только утвердило его в этой мысли.

Д-3, экипаж предпочитал старое название «Красногвардеец», – корабль немолодой, один из первенцев советского подплава, не отличался хорошей мореходностью. Командир представлял себе, что сейчас творится в отсеках. Если рубку захлестывало и люди на мостике цеплялись заледеневшими негнущимися пальцами за поручни, лишь бы не вылететь за борт, то в стальном чреве корабля все переворачивалось с ног на голову. Хуже всего приходилось обитателям носовых отсеков. От ударов волн в правую скулу стальной корпус грохотал, как пустая бочка на дровнях.

Даже представить себе невозможно, что кто-то сейчас мог бы уснуть после тяжелой вахты. Люди изматывались. Палубные настилы буквально выскальзывали из-под ног при каждом ударе волны. Распиханные по отсекам мешки и ящики с провизией срывались со своих мест. Мало того, что в отсеках подлодки жуткая теснота и порой кажется, что люди там просто лишние, так еще рассыпанные по полу банки консервов и картошка добавляют бардака. Лодка только-только вышла в рейд, посему припасов на корабле много, не успели подъесть. Хорошо еще, никого из личного состава не сбросило с койки на палубу. Нам только несчастного случая не хватало для полного, так сказать, удовольствия.

Ко всему прочему добавляли «романтики» холод и сырость. Но это хоть лучше, чем привычные подводникам спертый воздух и жуткая вонь испарений полусотни давно не мытых тел, смешанные с дизельной копотью, запахами соляры, масел, электролита и испортившихся продуктов.

– Дизельного топлива хватит с лихвой, – повторил Котлов.

– Тогда почему нас отзывают с позиции? Поход безрезультатен. Никого, ни единого дымка, даже перевернутой шлюпки не встретили! Ни одного снаряда не потратили, – возмущается штурман.

Вопрос интересный. За время стоянки в Тронхейм-фьорде подводная лодка Д-3 авральными темпами завершила текущий ремонт, пополнила запасы торпед, снарядов и продовольствия с плавбазы «Умба», приняла полный запас топлива. Автономность, по принятым в перегруз запасам провизии и пресной воды, рассчитывалась в 30 суток. Это целый месяц крейсирования в Северной Атлантике на пути вражеских конвоев, без учета недели на выход в район рейдерства и возвращения на базу.

Покинув фьорд, Д-3 прорвала линии вражеских дозоров южнее Исландии и вышла в океан. Достигнув заданного района, корабль четыре дня патрулировал свой квадрат, но безрезультатно. Океан был пустынен. Мертвое безмолвие. Только один раз сигнальщик заметил пролетающий самолет. Немедленно пробили тревогу, и подлодка ушла на глубину.

Естественное любопытство было пересилено еще более естественным инстинктом выживания. В походе любой самолет изначально рассматривается как вражеский. Это нехитрое правило уже успело получить подтверждение кровью. Все помнили трагедию Щ-320. Подлодку потопили всего в сотне миль от норвежских берегов. Как выяснилось, командир не поверил, что вражеские самолеты залетают в зону действия немецкой истребительной авиации. Свою ошибку он понял слишком поздно, когда на подлодку посыпались бомбы.

Экипажу Д-3 пока везло. Подлодка ни разу не попала под удар самолетов или эсминцев. Правда, везение – штука относительная, на исходе четвертых суток патрулирования Котлов был бы согласен на встречу с английским эсминцем, лишь бы это был корабль охранения конвоя. При появлении эсминца главное – вовремя погрузиться и правильно маневрировать на глубине, уходя от серий глубинных бомб. Да и не всегда английские сигнальщики успевают заметить между волнами рубку субмарины. Гидролокаторы тоже имеются не у всех англичан, да и чувствительность их не такая уж замечательная, как бают некоторые «знатоки». Решительный, грамотный командир подлодки может и должен обманывать противника.

Зато потом, разминувшись с эскортом, можно аккуратно догнать конвой параллельным курсом, дожидаться темноты и атаковать. Заметить ночью низкий силуэт подлодки очень сложно, тогда как самим подводникам, ворвавшимся в середину строя конвоя, остается только выбирать цели.

Невысокая, почти на уровне верхушек волн рубка дает отвратительный обзор. Видимый горизонт составляет всего 5—6 миль. Это мизер, буквально ничтожная точка по сравнению с океанскими просторами. Засечь корабль с такой наблюдательной позиции можно только случайно, если фортуна вынесет подлодку прямо навстречу судну. Война показала, что подводная лодка плохой разведчик. Котлов с периодичностью в полтора-два часа командовал «погружение», позволяя акустику прослушать водные толщи. Вдруг да гидрофоны засекут шум винтов?

На четвертые сутки бесцельного бултыхания вверх-вниз командир задумался: а не стоит ли сменить район? Собравшиеся на экстренное совещание в кают-компанию старпом Филипп Соколов, штурман Серебряков и командир минно-артиллерийской части лейтенант Борис Донцов убили полтора часа на размусоливание очевидной, в общем-то, истины: ничего не ясно. И как дальше быть, тоже непонятно.

Разумеется, если совершить пробежку в 400 миль курсом на северо-запад, можно выйти на оживленную морскую трассу. Район юго-западнее Исландии считался перспективным, по данным разведки, англичане в последнее время переносили конвойные трассы севернее. Почти к самой границе льдов.

Правда, с той же степенью достоверности это могла быть дезинформация. Пусть конвойная служба противника пока далека от идеала, опять же по данным разведки, на межконтинентальных трассах шастает немало одиночных судов. Желанная добыча для подлодки, даже торпеды тратить не нужно. Достаточно всплыть, догнать посудину и расстрелять ее из пушек, если команда сама не поспешит спустить на воду шлюпки.

Мечты, мечты. А по радио тоже ничего хорошего не сообщили. Стандартный запрос из штаба и не менее стандартное требование: искать врага и при первой же возможности вступать в бой. Совет хороший, да только на горизонте пустынно, и гидроакустики ничего, кроме пения китов, не слышат.

Где искать, если в штабе сами ничего не знают? Передают только сводку погоды, и всё. Разведданных с других подлодок или самолетов нет. Коллеги тоже молчат, как рыбы. Плохой знак. При обнаружении конвоя подлодка обязана немедленно передать данные не только в штаб, но и всем нашим, кто может слышать. Единственное, с С-3 сообщили об обнаружении и потоплении галоши в полторы тысячи тонн водоизмещением. Одиночное судно – это не конвой, пользы от информации, как от выеденного яйца.

Помполит, правда, пытался утешить Котлова: дескать, все будет, как прошлый раз. Подлодка тоже долго и безрезультатно патрулировала район, пока в один день не встретила целых три судна. Два из них подводники потопили торпедами, а третьего изрешетили огнем носового орудия. Тогда им повезло, английские эсминцы не успели прийти на помощь расстреливаемому прямой наводкой сухогрузу. Хотя всего в тридцати милях южнее проходил вражеский конвой. Это уже потом стало ясно, радист поймал передачу с немецкой подлодки.

На ночную потеху с конвоем «Красногвардеец» не успел. Противник сменил курс. А через три дня сигнальщики заметили еще один сухогруз. Бедолага полз трехузловым ходом, с ощутимым креном на правый борт. Видимо, уже успел словить торпеду. Капитан-лейтенант Котлов атаковал англичанина, словно на учениях, выпустили три торпеды одну за другой. И все мимо. Судно перло вперед, как заговоренное. Счастливики! От очередной атаки их спас появившийся на горизонте патрульный самолет.

В первом походе экипажу Д-3 везло. Три победы, и сами ни разу не попали под бомбежку. Механизмы не подвели, корабль вернулся на базу без повреждений и поломок.

А сейчас лафа кончилась. Рассчитывать второй раз на такую удачу наивно. А верить словам помполита – еще хуже. Не для посторонних ушей, разумеется, но капитан-лейтенант Котлов недолюбливал своего помощника по политической части. Натерпелся дури партийного руководителя во времена действия недоброй памяти приказа № 165. Политрук Эммануил Махнов человеком был недалеким, но деятельным и хуже всего: бездумно деятельным. От таких на военном флоте один вред.

Все эти разговоры и планы по смене квадрата патрулирования в действительности стоили недорого. Виктор Николаевич прекрасно понимал, что командование бригады не будет сдергивать корабль с позиции как минимум неделю, а осторожные намеки и просьбы командира подлодки вызовут только раздражение. Командование само знает, как надо. Спорить с начальствующими можно, но осторожно, только заранее подготовив позиции и выждав нужный момент. Это сложнее атаки из-под перископа на маневрирующую цель. Иначе дело закончится переводом назойливого командира на более спокойную и менее ответственную должность. Так бывало, и не один раз.

Котлов планировал просидеть в своем районе еще пару-тройку дней и, если ничего не изменится, только тогда высказать инициативу. И как обычно бывает, все тщательные скрупулезные расчеты, все нюансы и оттенки русского языка, любовно втиснутые в короткие рубленные тексты заготовленных заранее радиogramм, всё оказалось напрасным и излишним. Недаром армейские говорят, что еще ни один план наступления не пережил начала атаки.

На исходе прошлой ночи Д-3 получила радиogramму из штаба бригады с недвусмысленным требованием срочно возвращаться в Норвегию. Коротко и четко. Командирам «Красногвардейца» оставалось только гадать, в честь чего такая карусель. Подобные радиogramмы получили и другие подлодки бригады Северного флота. Наши штабные гении не любят мудрить с шифрами и кодируют все сообщения для бригады одинаково.

С тех пор прошли сутки. Налетевший с запада шторм не способствовал улучшению настроения командира «Красногвардейца». Неожиданно вспомнилась точно такая же история, происшедшая два с половиной года назад.

Кто не помнит знаменательные события начала 38-го года?! Четверка полярников на дрейфующей станции «Северный полюс-1»! Четверка смельчаков, восемь месяцев проводивших на льдине! Вся страна, затаив дыхание, следила за небывалой экспедицией наших ученых. Имена Папанина, Ширшова, Федорова и Кренкеля были у всех на слуху.

В конце января достигнув района Гренландии льдина начала раскалываться. Пришло время снимать отважных ученых с ледяного поля. В спасательной экспедиции приняли участие гидрографические суда, дирижабль и три подводные лодки. В том числе из Полярного вышла Д-3. Виктор Котлов хорошо помнил пережитые в феврале 38-го тревоги, перенесенные испытания.

Дирижабль потерпел катастрофу, и вмиг изменилась роль подлодок в экспедиции. Если раньше они должны были служить ориентирами для дирижабля и обеспечивать связь, то теперь вся надежда была только на флот. «Красногвардеец» полным ходом шел к Гренландии. Люди спешили. Каждый час задержки мог стать фатальным. Обломок льдины дрейфующей станции неустойчив, в любой момент может расколоться.

Поход в сложных метеоусловиях, вдоль кромки льдов, через непогоду. В Датском проливе по курсу все чаще стал попадаться лед. Именно тогда Котлов провел смелый эксперимент – провел подлодку под льдинами. Первым в советском флоте! 13 февраля «Красногвардеец» поднырнул под ледовую перемычку. Всего полчаса под ледяным панцирем, но эти полчаса стоили Котлову и его экипажу столько же нервов, как два часа под непрерывной бомбежкой.

Сухопутному человеку трудно понять, с каким риском был связан этот короткий участок пути, а моряк и объяснять не будет. Слишком очевидно. В случае поломки подлодка не сможет всплыть. Если корабль собьется с курса и не найдет полынью, он так и останется подо льдом. Все могло случиться, любая мелочь могла оказаться роковой. Эти полчаса подледного плаванья могли завершиться катастрофой.

Никто из стоявших на мостике «Красногвардейца» перед погружением никогда бы в этом не признался, но все они жутко боялись. Только благодаря стальной воле командира людям удалось пересилить свой страх и продолжать работать, как будто им предстоит обычное погружение. А что сам Котлов? Виктор Николаевич предпочитал не вспоминать о своих переживаниях. Он даже в кругу близких друзей, моряков-подводников, за рюмкой чая, если кто проявлял настойчивость, переводил разговор в другое русло или отвечал, что, дескать, служба такая, чувства и переживания в уставах не прописаны.

В том походе «Красногвардеец» не успел дойти до ледовой станции, его опередили суда «Таймыр» и «Мурман». На траверзе Ян-Майнена подлодка получила приказ возвращаться назад. Папанинцев спасли другие, но само участие в походе запомнилось командиру и экипажу.

Сейчас, стоя на мостике посреди штормовых волн северной Атлантики, капитан-лейтенант Котлов вспоминал тот знаменательный поход февраля 38-го года. Счастливое было время, флот не воевал, а только готовился к войне. Готовился по-стахановски, на всю катушку. Даже немного странно, боевой офицер сожалел теперь о том, что ему приходится топить вражеские суда. Но на палубах и в отсеках английских транспортов такие же люди, как и экипаж Д-3. Они тоже хотят жить и не виноваты, что из-за дурости и жадности Британского кабинета океан превратился в арену ожесточенной борьбы.

Котлову хотелось вернуться в то, довоенное время, время дальних походов, научных экспедиций и нормальной человеческой взаимовыручки между моряками. Тщетно. Время вспять не повернуть. Океан пылает огнем, а замеченное на горизонте судно или самолет прежде всего воспринимается как враг, которого надо или утопить, или отразить его атаку. Время, когда одним из лучших океанских кораблей является подводная лодка – смертельно опасная и скрытная, корабль-невидимка.

Пусть конструкция Д-3 далека от идеала, по слухам корабелы взяли за образец дореволюционные разработки кораблестроительной программы 1915 года, но зато экипаж подобрался неплохой, специалисты и командиры менялись редко. Сам Котлов как получил назначение на корабль в 37-м году, так до сих пор им и командовал. Правда, в штабе уже ходили слухи, что в ближайшее время Виктору Котлову дадут новый подводный крейсер серии «К». И эти слухи имели весьма веское подтверждение в виде проектов штатов новых кораблей.

Д-3 «Красногвардеец» принадлежал к первой очереди серии I. Это большая позиционная лодка с надводным водоизмещением 1361 тонна, практически по своим размерам, внушительной дальности плавания и автономности могла считаться эскадренным подводным крейсером. Правда, проект отличался невысокой скоростью хода, всего 14,5 узла. Зато корабль мог находиться в море без пополнения припасов целый месяц и пройти за это время экономическим ходом в 8,9 узла почти десять тысяч миль.

Внушительные цифры. Тем более если их сравнивать со знаменитыми немецкими «семерками». Германская морская подлодка обладала дальностью в 8500 миль. Хотя более крупные корабли серии IX, будучи немного крупнее советских «декабристов», могли пройти 12 000 миль и развивали скорость до 18 узлов. Новые же советские подводные крейсера имели

дальность 16 500 миль. Очень хорошо, внушительно – хоть у берегов Америки и в южной Атлантике работай.

Соответствующим было и вооружение советской подлодки. Считавшие, что сила подлодки определяется числом торпедных труб, конструкторы втиснули в корабль шесть носовых и два кормовых аппарата калибром 533 мм. Кроме того, в первом отсеке хранились шесть запасных торпед.

На палубе размещалось орудие Б-24ПЛ калибром 100 мм. В кормовую часть рубки судостроители воткнули 45-мм полуавтомат. Пушка, которой лучше бы не было. Балтийские подводники со «Щук», которым посчастливилось пострелять по финским транспортам во время Зимней войны, докладывали, что для потопления среднетоннажной посудины приходилось тратить минут сорок времени и половину боекомплекта.

Д-3 в финской войне не участвовала. Корабль попал в график по капремонту, и с осени по весну ленинградские корабли возвращали ему вторую молодость. Заводчане переделали ходовую рубку, изменили форму носовой оконечности, опустили носовое орудие на палубу, убрали лишние цистерны плавучести. В результате корабль стал более мореходным, устойчивее на волне, немного сократилось время погружения, улучшился обзор с мостика, с орудием обращаться стало не в пример удобнее и легче. Раньше артиллеристам мешало ограждение ходовой рубки.

– Товарищ командир, – из люка высунулась голова вахтенного краснофлотца, – вас зовут вниз. Радиограмма важнецкая пришла.

– Тогда геть на мостик, смотреть за горизонтом! – отреагировал Котлов. – Штурман, прими на себя командование.

Ответ Серебрякова командир уже не слышал. Да и не важно это было. Все равно мы в море одни, кораблей не видно, земля далеко. И отсутствие у лейтенанта Серебрякова допуска к командованию кораблем не имеет никакого значения. Человек он неглупый, не первый день в море. Справится.

2

Зря говорят, что моряки не любят землю. Ерунда все это. Наоборот, отношение флотских к нашей родимой незыблемой тверди под ногами куда более бережное, нежное и трепетное, чем у сухопутных сограждан. Иначе и быть не может. Только тот, кто неделями и месяцами не видит земли, кто отвыкает от неподвижной твердой опоры под ногами, кому ночами снятся родимые березки и кто иногда готов выть на луну оттого, что родной дом находится на другом конце света, может любить землю, как любит ее моряк.

Есть поверье, что моряком надо родиться, капитан корабля должен вырасти на берегу моря, с детства слушать морской прибой вместо колыбельной и с молоком матери впитать любовь к соленому морскому воздуху. Наверное, есть в этом доля правды. Но также верно, что любовь к морю может проявиться в любом возрасте.

Виктор Котлов помнил, как год назад в Ленинграде на дружеской посиделке в теплой компании морских офицеров один из гостей распинаясь о высоком, о роли судьбы и места рождения, о наследственном морском характере, несвойственном сухопутным крысам. Товарищ успел принять на грудь лишнего и страдал недержанием речи. Спорить с ним никто не стал.

Многие из гостей сами в душе соглашались с говорившим, они выросли на берегу моря, их отцы или старшие родственники в свое время служили на флоте. Те же, кто попал на флот по комсомольским наборам, помалкивали и про себя скептически усмехались. Не спорь с дураком – люди могут не заметить между вами разницы. А кое-кто и не обращал внимания на разглагольствования набравшегося по ватерлинию капитан-лейтенанта, мало ли что сболтнешь под хорошую выпивку в дружеской компании, главное, чтоб не вразрез с политической линией и не против начальства.

Никто и не заметил, как сидевший за столом старший лейтенант со значками подводника на форменном кителе молча поднялся, бросил на болтуна красноречивый взгляд из-под бровей и вышел. Виктор Котлов не собирался с кем-либо спорить. Ему просто было противно оставаться под одной крышей с самовлюбленным болваном, гордившимся тем, что его дядя когда-то десять лет служил на флоте, дослужился до унтер-офицера и вовремя перешел на сторону революции.

Подводник спокойно вышел из квартиры, спустился во двор и, не оборачиваясь, двинулся в сторону Мойки. Только дойдя до мостика, Виктор набил трубку и закурил. Глупо получилось, но он не мог иначе. Обида, смешная в общем-то, но оставаться в этой компании он не хотел. Табак помог успокоиться, привел мысли и чувства в порядок. Ничего страшного не случилось.

Гнев и злоба постепенно отступали, мало ли кто что сболтнет под загрузкой. Сам потом будет раскаиваться, да еще, чего доброго, побежит извиняться. Таких вещей Котлов не любил. Извинения – это нечто старорежимное, поповское. Дескать, извинился перед человеком, и с тебя как с гуся вода, ничего ему больше не должен.

Виктор Котлов вспомнил, как в далеком детстве ему досталось от отца за разваленную поленницу дров. Поиграли с друзьями в штурм Перекопа Красной Армией. Игра шла весело и с размахом, так что проходящие мимо старушки мелко крестились при виде с гиканьем прыгавших по сложенным из дров «укреплениям» шкетов.

Вечером наступила расплата. Витьке и пойманному на месте «преступления» его друзьям и братьям пришлось до глубокой ночи складывать дрова обратно в поленницу. Урок пошел впрок – на собственной шкуре понял, что чужой труд надо уважать. Любой труд надо уважать.

Длинный летний вечер, спешащие по своим делам редкие прохожие, воркующая на скамейке парочка. Идиллия. В такие вот вечера не хочется возвращаться домой. Лучше неторопливо гулять по ночному городу. В голове Виктора сверкнула мысль: срезать напрямик до Невского, нырнуть под арку Генштаба, пройти мимо Русского музея и выйти к Катыкиному садику.

Пройтись по старым улочкам, над неспешно текущей по каналам темной водой. Выкурить еще одну трубку на Марсовом поле, наблюдая за целующимися под старыми дубами парочками. Молодость вспомнить.

«О! Нашел старика!» – расхохотался Виктор в ответ своим мыслям. Всего-то 31 год исполнилось. Забавно, до этого момента он напрочь забыл о своем возрасте – семейные заботы, двое шептунных беспокойных малышей, вековечный, испортивший сограждан квартирный вопрос и бытовые неурядицы, служба, ответственность за боевой корабль и полсотни человек экипажа. А всего-то, оказывается, четвертый десяток разменял.

Впрочем, если так посудить – на подплаве в званиях растут быстро. Самые опасные корабли, в первую очередь для своего экипажа, самые жуткие условия во время похода и нулевая обитаемость. Старика у нас не задерживаются. Стариками у нас называют тридцатилетних командиров, таких, как старший лейтенант Виктор Котлов.

В свое время в училище имени Фрунзе курсантам на лекциях рассказывали об истории подводного флота. Когда в еще царском флоте только-только появились первые подводные лодки, вместе с кораблями возник вопрос: какое жалованье положить офицерам? Тогда все делалось по ранжиру, по инструкции, как начальство утвердило. А вот штатов на подводников не было.

Говорили, штабные и финансисты и так рядили, и этак. Всё не то. С одной стороны, много, не по погонам довольствие. А если иначе взглянуть, слишком мало выходит, под водой плавать, не зная, всплывешь или нет, не каждый пойдет. Набирали в подплав самых отчаянных, бесшабашных, а такие не только с противником, но и с начальством дерзко разговаривают.

В итоге вопрос решил один старый заслуженный адмирал. Некоторые толковали, будто не адмирал, а чуть ли не великий князь. Но это не важно. Выслушал адмирал спорщиков да и предложил: «А сколько сами запросят, столько им жалованья и положите. Для казны ущерба не будет. Все равно потопнут».

Байка старая, жаль – те ставки ныне не действуют. Хотя честно, и при советской власти жаловаться было грех. Довольствие подводникам всегда выделяли по высшему разряду. Даже знаменитая винная порция сохранялась. Нынче ее называли иначе и обосновали врачебной необходимостью. Но как бы там ни было, вино подводникам выделяли исправно. В походе по 200 граммов на человека в сутки. Прочее довольствие тоже не задерживали, пусть не коммунизм, но жить можно, на семью хватает. Даже жилье выделяют вне очереди.

В свое время Котлов очень удивился, когда, перегнав корабль в Ленинград на Балтийский завод, узнал, что ему уже выделили две комнаты в коммуналке на Васильевском острове на все время ремонта. Остальные корабельные командиры тоже не остались на улице: или комната в городе, или отдельная квартира на территории военной части. Больше всего этому факту обрадовалась Леночка – переезд из Полярного в Ленинград она восприняла, как настоящее чудо.

Виктор прекрасно понимал супругу, Заполярье – не самое лучшее место для молодой женщины, но служба есть служба. Задерживаться в Ленинграде сверх необходимости он не собирался. Влачить жалкое существование сухопутного моряка, видеть море только с берега было выше его сил. Да и какое это море?! Жалкая лужа, пресноводный залив, перекрытый со всех сторон берегами иностранных государств, лимитрофов, бывших российских колоний.

Другое дело – Север! Открытые морские просторы, незамерзающий порт, постоянные походы, научные экспедиции, прекрасные, сильные, открытые люди. Сосед семьи Котловых старый помор Саша Авраменко говаривал: «На юге легче гнутся спины. Воздух севера делает свободным». Такова жизнь, недаром поморы никогда не знали рабства и крепостного права. Не жаловали они и туповатых, гонористых чиновников, не видевших дальше своего носа и все меривших своим карманом.

В тот вечер Виктор Котлов грустил по Заполярью, по простым человеческим отношениям в бригаде подплава и штабе Северного флота. И одновременно он не хотел уезжать из Ленинграда. Город революции покорило его сердце еще во времена голодной и бесшабашной курсантской юности.

Широкие улицы и проспекты, непривычные пареньку из Нижнегородской губернии каналы и мосты. Новые друзья, флот, первое знакомство с морем, будоражащие кровь рассказы наставников о дальних походах. И любовь! Танцы по вечерам, свидания с местными скромницами и совершенно случайная встреча с Еленой. Случайная на первый взгляд.

Только потом, через много лет, уже после окончания училища, получения Виктором первого в жизни назначения на флот и женитьбы, они поняли, что их встреча была неслучайной. Это произошло зимой, подводная лодка задерживалась в море, все отмеренные сроки возвращения вышли, связи с кораблем не было. Один из первых кораблей советского флота, не особенно надежная техника, зимнее штормовое море, случиться могло все что угодно.

На берегу начали беспокоиться, только когда прошли три дня с предписанного срока возвращения из похода. Поднявшиеся в небо гидропланы тщательно обыскивали прилегающую акваторию. Командующий бригадой подплава запросил помощь у штаба флота, но корабли не были готовы к выходу в море. С большим трудом удалось в авральном темпе снарядить и вывести из Полярного два сторожевика.

Корабли шли через шторм по возможным маршрутам возвращения подлодки. Несмотря на непогоду, на мостиках и палубах держали усиленные вахты сигнальщиков и наблюдателей. Десятки биноклей неусыпно обшаривали морскую поверхность. Каждое мелькнувшее среди волн бревно, обломок дерева, ящик привлекали к себе внимание. Тщетно, два сторожевика и несколько гидросамолетов ближнего действия и не могли обшарить весь район.

На пятые сутки с момента объявления тревоги, когда всем уже было ясно, что корабль не вернется, когда поиск продолжался только потому, что иначе нельзя, нельзя бросать товарищей, пока еще есть надежда, потерянная подлодка вошла в Кольский залив. К тому времени, когда корабль подошел к порту, на пирсе собрался почти весь наличный состав военной базы и половина городка. И одними из первых к спускающимся по трапу усталым, небритым морякам бросились их жены.

Официальная церемония встречи была безбожно скомкана, но это и к лучшему. Командующий бригадой считал за благо не мешать людям, а спокойно подождать, пока все не успокоится, и только потом выслушать доклад. Причиной задержки корабля оказалась поломка дизелей. Подлодка неделю дрейфовала в штормовом море на границе плавучих льдов, пока механики не отремонтировали моторы. Кроме того, в шторм сорвало антенну, а передатчики вышли из строя от сотрясений корпуса. По идее, ЧП, но, так как все закончилось благополучно, шум поднимать не стали, а командиры подлодки и БЧ-5 получили поощрения от начальства.

Именно тогда, обнимая на продуваемом всеми ветрами пирсе плачущую от радости Леночку, штурман Виктор Котлов понял, что некто невидимый и напрочь отрицаемый коммунистической идеологией незаметно помог молодым людям встретиться друг друга. Дальнейшее зависело только от них. И они не упустили свой шанс. Через много лет, и вернувшись в Ленинград, и на мостике крейсирующего в Атлантике боевого корабля, и уже после войны Котлов ни разу не пожалел о прожитых вдвоем с Леной годах.

Воспоминания воспоминаниями, а дома ждут. Докурив трубку, старший лейтенант Котлов застегнул ворот реглана и направился вдоль Мойки к Адмиралтейству. Дальше его путь лежал мимо Зимнего, через мост, вдоль Биржи и по Среднему проспекту домой. Успеть, пока мосты на развели.

Время шло. Несмотря на грозные требования Наркомата флота, балтийские рабочие не спешили завершать ремонт. Их тоже можно было понять – план заводу навалили такой, что средств и ресурсов на ремонт кораблей почти не оставалось. Но зато начальство не оставляло

своих застрявших на берегу моряков без внимания. На командиров навалились обязательные учебные курсы, кроме того, никто не освобождал их от обязанности готовить личный состав к службе.

Пусть срочнотруженики экипажа море видели только с берега, пусть не все могли написать свою фамилию без ошибок, но нормативы существовали, сроки экзаменов никто не переносил. За провальные результаты имелся шанс получить по шапке. Можно ли сделать из призывников настоящих моряков, не выпуская их в море, только во время кратких выходов на учебных лайбах в Кронштадт и обратно, это другой вопрос. Как показал опыт, научить владению техникой и вбить в головы основы дисциплины и субординации можно. Остальное зависит от командиров и старшин.

Зачеты экипаж Котлова сдавал, людей готовили. Если уж нет возможности учиться на практике, делали упор на теорию. Начальство смотрело на заботы подводников благосклонно, помогало, чем могло. Хотя могло оно мало. Несмотря на настойчивые просьбы старшего лейтенанта Котлова и его помполита политрука Эммануила Махнова, пытавшегося поспособствовать делу со своей стороны, ни одного выхода в море на учебной подлодке им не дали.

Грубо говоря, североморских подводников футболили. Командование балтийских бригад просило бумагу с официальной заявкой от штаба Северного флота. Свои долго не могли понять, зачем это нужно, но в итоге разродились нужным рапортом. Пока бумага ходила по инстанциям, пока согласовывалась и утверждалась, шло время. В итоге наступила поздняя осень. Финский залив покрылся льдом. А еще раньше началась финская война. Естественно, ни о каких учебных плаваниях речи быть не могло.

Виктор регулярно навещался к балтийским коллегам. Благо пропуска позволяли почти беспрепятственно бывать в штабах и базах. Моряка интересовало: как идут наши дела на морских рубежах? Говорили разное. Но по крупницам, обрывкам, недомолвкам и намекам удалось собрать более-менее целостную картину войны. Да, действительно не все было так хорошо, как писали в газетах. Будучи человеком неглупым, Котлов о своем открытии помалкивал, но на ус мотал.

После Нового года, с началом большого наступления Красной Армии на Карельском перешейке, флотское начальство неожиданно расщедрилось присвоением очередного звания. Пришлось устраивать банкет. Друзья и товарищи поздравляли целую неделю подряд. Хорошо время провели, и заслуженно – капитан-лейтенанта не каждый день дают. Даже Махнов умудрился ничего не испортить и не перевести дружеский вечер в ресторане в политинформацию.

Время шло. Война завершилась. В апреле 40-го заводчане наконец-то вывели много-страдальный «Красногвардеец» из дока. Пришло время принимать корабль, сдавать учебные задачи и возвращаться в Полярный. Для Виктора Котлова далекий северный порт за Полярным кругом был куда ближе и роднее многолюдного чопорного Ленинграда.

Естественно, не все командиры корабля и специалисты разделяли мнение своего капитана. Помполит однажды обмолвился, что мечтает сделать карьеру в столице, в политическом управлении наркомата. Старпом и командир БЧ-5 за последние месяцы прикипели душой к Северной Пальмире. Большой город давал куда больше возможностей весело провести время, чем поселок на берегу Кольского залива.

И опять жизнь показала, что человек предполагает, а некто располагает. Не успели подбить итоги одной войны, как грянула следующая. Вероломный, подлый удар английской и французской авиации по Баку и Мурманску буквально перевернул мир с ног на голову. С этого момента возвращение подлодки Д-3 на Север было отложено на далекое будущее. В первую очередь команду и корабль готовили к походам в Северную Атлантику.

Неизвестно, о чем думало наше командование, скорее всего, за неимением лучшего использовали то, что есть. Показавший себя далеко не с лучшей стороны в финской войне подводный флот был вынужден бросить вызов конвойным силам Британской империи. Не все

это понимали, не все отошли от угара первых побед и патетики бравурных маршей, речитатива громких восторженных фраз газетных передовиц и официальных собраний. А немногочисленные командиры, владевшие ситуацией, предпочитали молчать. Одним из таких был капитан-лейтенант Виктор Котлов.

Опять совершенно неожиданно вспомнилась старая история осени 39-го. Та веселая компания, собравшаяся на квартире одного из молодых командиров Балтфлота, и пьяные разглагольствования перебравшего лишнего красноносого апологета флотской кастовости. В душе Виктор понимал, что капитан-лейтенант Шубин не так уж и ошибался. Действительно, моряка надо воспитывать с детства.

Другое дело, не всегда получается так, как надо, как положено. Сам Виктор попал в морское училище по комсомольской путевке, как и большинство командиров советского флота, к слову сказать. Сухопутный человек, совсем сухопутный. До того момента, когда впервые в жизни увидел бескрайние морские просторы и попал на палубу дряхлого ветерана флота – «Авроры», служившего сейчас в качестве учебного корабля.

Странно, но Виктор Котлов в отличие от многих таких вот моряков в первом поколении влюбился в море с первого взгляда, с первого глотка чистого соленого воздуха, с первых брызг воды в лицо, с первой минуты на качающейся, уходящей из-под ног палубе. Пусть его отец простой советский служащий, ни разу в жизни не видевший моря. Пусть сам Виктор вырос в небольшом городке Богородске Горьковского края. Пусть. Все это сейчас не имеет значения.

Голос предков – так это называется? В душе Виктор считал, что так и есть. Или предназначение, не при помполите будь сказано. Не поймет ведь, бедняжка. Сам коренной москвич, Эммануил Махнов не понимал и не любил морскую стихию. А о предназначении и подобных неподвластных диалектическому материализму вещах говорить с ним просто опасно.

Жизнь – такая штука, что к ней нельзя относиться несерьезно, и слишком серьезно тоже нельзя. Когда-то, очень давно, жившая на окраине Богородска старая родственница со стороны мамы предсказала Вите Котлову, что когда он вырастет, то станет известным командиром большого корабля. Естественно, никто слова старухи всерьез не воспринял. Сам Витя, образцовый пионер и атеист, считавший себя выше темных дореволюционных суеверий и религиозного дурмана, выслушал бабушку Алевтину только вежливости ради, из уважения к ее сединам и в тот же день напроць все забыл.

По прошествии многих лет Виктор уже не так скептически относился к словам старухи. Помнил уважительное и несколько боязливое отношение знакомых к бабе Але. Люди шептались: дескать, бабушка ведает, есть у нее сила, и крепка она не по годам. Помнили, что не один раз баба Аля помогала кому словом, кому травами или снадобьем, а кому и заговором. Не проста старушка, ой как не проста. И слова ее всегда сбывались, потому что говорила она только по делу. А может? Всякое на белом свете бывает, всякое.

Через много лет, будучи курсантом, Котлов вспомнил слова бабушки. Ведь он и не думал тогда, что поступит в военно-морское. И помыслить такого не мог. Единственный водный простор, который он видел в юности, – Волга. Да и то лишь несколько раз, когда с отцом ездил в Нижний. Однако получилось так, что Виктор выбрал себе судьбу моряка, или судьба его выбрала. Трудно сказать.

Жизнь показала, что бабушка Алевтина была права. Котлов относился к этому философски: дескать, нечего на судьбу надеяться – надобно и самому пошевеливаться, но иногда корил себя за то, что невнимательно слушал старших. Потому что баба Аля говорила, что он не только станет большим командиром. В его жизни роковую роль сыграет непонятный, упертый круглолицый рыжий человек. Из-за этого человека Виктор может исчезнуть без следа в морской пучине, погибнуть. А может переломить судьбу и достичь больших чинов.

К чинам Котлов относился спокойно, карьеризмом не увлекался, к начальству не подлизывался, не прогибался, но погибать раньше времени, ясное дело, желания не имел. Только

дурак рискует почем зря. И если до войны командир «Красногвардейца» не задумывался, о своем будущем, то во время походов в пылающую огнем Атлантику иногда сожалел, что пропустил мимо ушей многое из слов бабушки. Может, и говорила тогда старушка, как избежать беды. Да разве теперь вспомнить?!

В этом заключалась и еще одна причина неприязни Виктора Котлова к своему толстощекому, кучерявому помполиту. «Бойся круглолицего рыжего человека. С ним исчезнешь в пучине, и следа не останется», – звучал в голове скрипучий, простуженный голос бабы Али. А что дальше, Виктор забыл. Кажется, он тогда, в отрочестве, и не дослушал, пробормотал обещание быть осторожным и сбежал к друзьям запускать воздушного змея. Идея же выпросить отпуск, приехать домой и порасспросить бабу Алю как следует пришла в голову слишком поздно. Пять лет назад бабушка умерла.

3

Сражение за Северную Атлантику в самом разгаре. Немногочисленные, слабые флоты континентальных держав не на жизнь, а на смерть сцепились с прославленным, непобедимым Гранд Флитом. Битва за линии снабжения шла с переменным успехом. Один за другим тонули транспорты, густые облака черного дыма поднимались над пылающими танкерами, бомбардировщики обрушивали свой смертоносный груз на зашедшие в зону их действия корабли.

Камнем на дно шли атакуемые глубинными бомбами подлодки. Эскортные силы конвоев и маневренные соединения крейсеров-охотников безжалостно расстреливали советские и немецкие рейдеры. Горели и рушились в океанские волны попавшие под плотный зенитный огонь самолеты. На всем пространстве океана вспыхивали яростные схватки между кораблями. Обе стороны дрались отчаянно, отступить им было некуда.

Но, несмотря на ярость сражения, несмотря на накал битвы и героизм простых бойцов, исход грандиозной баталии решался не на корабельных палубах, не в тесных отсеках подлодок и эсминцев, не в кабинах самолетов, не на наблюдательных постах и даже не в рубках линкоров. Нет, главное сражение шло за тысячи миль от океана, в окрестностях сугубо сухопутных городов.

Люди, разыгрывавшие грандиозную шахматную партию, зачастую никогда в жизни не командовали даже рыбацкой лайбой, не то что боевым кораблем. Но зато в их руках была огромная власть, невероятные ресурсы, индустриальная и военная мощь держав. На плечи игроков давила страшная ответственность.

Цена проигрыша или просто неверного хода зачастую измерялась сотнями тысяч, миллионами человеческих жизней, судьбами целых стран. На кону стояли не просто транспорты с сырьем и продовольствием, не боевые корабли и эскадры самолетов. Нет, счет шел на годы и десятилетия невидимого соперничества между державами.

Поражение означало отбрасывание страны назад, потерю темпов роста, отказ от внешних дешевых ресурсов и необходимость жить и развиваться лишь за счет собственных граждан, ценой пота и крови своих людей. А победа давала шанс удержаться на позициях, улучшить свое положение на глобальной шахматной доске, выиграть темпы развития, возможность не погибнуть, не потерять все, не скатиться на роль объекта большой политики, вынужденного вечно платить за свое поражение.

Цена поражения была слишком велика. Не эскадры кораблей, не авиаполки, не танковые дивизии, а само будущее – вот ставка в глобальной игре. Не больше и не меньше. Это требовало серьезного, взвешенного подхода к войне, ответственность лежала на плечах Игроков неподъемным грузом. Вечная, не прекращающаяся ни на минуту борьба держав. Война же – это только один из элементов этой борьбы, продолжение политики другими средствами.

Летом 40-го года два игрока схлестнулись в кровавом поединке. Один из бойцов, успел заручиться поддержкой нейтрального пока союзника, но совершил ошибку и неосторожно задел еще одного игрока, которого до сего момента не считали противником, полагали не субъектом, а объектом, просто территорией, которую при удачном стечении обстоятельств можно взять под контроль.

Как вскоре выяснилось, слабость великана оказалась показной, и ноги у него были не глиняными. Получив неожиданный удар под дых, старый медведь резво ответил агрессору парой чувствительных оплеух. По всему выходило, что он должен драться против обидчика в союзе со своим соседом. Но сосед сам был не промах и оценивающим взглядом поглядывал на берлогу и шкуру медведя. Стоило ли драться при таком раскладе? Может, лучше вовремя отойти в сторону, поднакопить силенок, пока враги с азартом колошматят друг друга? Или лучше вдвоем добить задиру? Что делать? Противник-то не из слабачков.

– Вы, товарищи, согласны с участием нашего флота в десантной операции? – Сталин обращался сразу к Кузнецову, Галлеру и Трибуцу, но при этом всем участникам совещания казалось, что вопрос обращен лично к каждому. Небольшие размеры и скромная обстановка кабинета усиливали впечатление. Спешить с ответом на вопрос не стоило. Необдуманные фразы бросают тень на говорящего, ставят под сомнение его компетентность.

Сталин недаром считался опытным и умным оратором. При этом таланты вождя подкреплялись его огромной властью. Мало кто рисковал спорить с носителем такой власти, и зачастую спор или даже попытка оспорить мнение Сталина заканчивались вполне предсказуемым и печальным результатом. Исключения тоже были, но таковыми становились люди, по своим личным качествам мало чем уступающие вождю. Само по себе это было большой редкостью.

Нарком тяжелого машиностроения Малышев тихо вздохнул и скосил глаза в сторону нового наркома судостроения Ивана Носенко. Малышев чувствовал, что как бы разговор ни пошел, но он обязательно коснется качества и количества строящихся кораблей. Возможности нашей промышленности Вячеслав Александрович знал хорошо. Слишком хорошо, к сожалению. К счастью, Сталин тоже в последние месяцы избавился от части иллюзий, питаемых по отношению к нашим верфям.

«Удовлетворить все запросы адмиралов мы не можем. Любимую Сталиным программу Большого Флота тоже не освоим. На время удалось притормозить строительство линкоров в пользу легких кораблей. И то хлеб. Потом, конечно, шишки посыплются, обязательно найдутся стрелочники, на которых и свалят всю вину за провал программы. И хорошо, если таковыми назначат действительно никчемных, бесталанных и просто лишних людишек...» По крайней мере, нарком на это надеялся.

– Я полагаю, что мы можем не только участвовать, но и всеми силами содействовать успеху высадки в Англии. Решительно, смело атаковать противника, не считаясь с неизбежным риском. – По голосу Кузнецова чувствовалось, что последние слова он выдал из себя с трудом. – Операция «Гроза» – наш единственный шанс закрепить успехи этого года и выйти на новые рубежи.

– Очень интересно. А вы, товарищ Кузнецов, знаете, сколько народных средств ушло на флот, который вы собираетесь бросить против английских дредноутов? Вы уже консультировались с товарищами Малышевым и Галлером?

– И тем не менее мы, посоветовавшись, пришли к выводу о необходимости нашего активного участия в десантной операции, – уверенно заявил Галлер. – Мы согласны с предложением Политбюро, – вовремя поправился Лев Михайлович.

Зам. наркома по кораблестроению всем своим видом демонстрировал, что полностью разделяет озвученное Кузнецовым предложение. В отличие от осторожного плана, озвученного Молотовым: поддержать союзника, помочь с десантными средствами, взять на себя отвлекающие маневры, моряки посчитали, что надо или браться за дело серьезно, или вообще отказаться от участия в операции. Любые промежуточные варианты вели к провалу высадки, поражению и большим потерям.

В устах Льва Михайловича данное заявление звучало непривычно. В бытность свою командующим Балтийским флотом Галлер зарекомендовал себя грамотным, опытным специалистом и осторожным человеком. Да, он обычно придерживался умеренной линии. И уж тем более он прекрасно знал реальное положение дел на флоте, знал, сколько минут продержатся наши «Марат» и «Октябрьская революция» под огнем английских линкоров.

– В операции необходимо участие не только ядра Балтфлота, но и вспомогательных сил, в том числе наши штабные специалисты настаивают на частичной мобилизации подходящих транспортных судов. – Кузнецов быстро справился с волнением, не время мандражировать, от этого совещания и от того, насколько убедительными будут его доводы, зависело многое, в том

числе и судьба самого Николая Герасимовича. – Переброска в порты Северного моря будет производиться быстрыми темпами по мере комплектования флотилий.

Галлер коротко кивнул, соглашаясь со словами наркома, он сам принимал деятельное участие в разработке советской части плана. «Гроза» – модернизированный и глубоко проработанный, с учетом участия советских армии и флота, вариант старой германской разработки «Морской лев». Более того, операция готовится под прямым руководством Галлера. В этой части Николай Кузнецов предпочел положиться на старого проверенного заместителя по кораблестроению в пику недавно назначенному главкому Балтфлота Владимиру Трибуцу.

– Наш флот собирается пахать за немцев? Сумеете ли? – усмехнулся Тимошенко.

– Не за немцев, а вместе с немцами, – парировал Кузнецов.

Моряки рисковали, но этот риск был оправдан и тщательно взвешен. Все было рассчитано. При подготовке плана Главный морской штаб учитывал реальное положение дел на флотах, опыт финской войны и работу наших подлодок и вспомогательных крейсеров в Атлантике. Нечего и говорить, опыт во многом был отрицательным, но это тоже опыт. Даже из неудач можно извлечь пользу.

Иосиф Виссарионович был умным и осторожным человеком, на откровенную авантюру его не подбить. Многие уже убедились в этом на собственном опыте. Выжившие могут подтвердить. Зато если сегодня удастся развеять сомнения генерального секретаря партии, то Наркомат ВМФ многое выиграет, в том числе уже потом, после победы, будет хороший шанс на основе полученного опыта скорректировать кораблестроительные программы.

Один из талантов Сталина – неожиданно получилось так, что высказанная им идея, совет, обрели новых авторов в лице руководства Наркомата флота. И сейчас уже не Сталин предлагал флоту проработать план нашего участия в десанте, а флот выдвигал проект полноценной военной операции. А вместе с тем брал на себя полную ответственность за результат.

– Ставка делается на один-единственный удар, одну десантную операцию, – продолжал нарком флота, – второго шанса ни у нас, ни у немцев не будет. Сейчас благодаря авиации и операциям флота против вражеского судоходства оборонный потенциал Британии ослабел. Особенно отличилась наша дальняя авиация, наносящая удары по военным заводам в глубоком тылу англичан.

– Всего два полка, – пробурчал представитель авиации Валерий Чкалов.

– А разве вы не перебросили корпус полковника Судеца? – удивился Сталин.

Заместитель главкома авиации распрямил плечи, готовясь немедленно парировать внешне невинный вопрос, но его перебил Галлер:

– Немецкие коллеги планируют операцию в конце октября. Сезон штормов. Английский флот будет вынужден отставаться в портах и сократить патрулирование прибрежных вод. У нас же появится преимущество первого удара.

– Смелое предложение, – недоверчиво молвил Иосиф Виссарионович, прочищая свою знаменитую трубку, – а что думают товарищи моряки?

– Мы и подтолкнули немцев к этому решению. Они планировали перенести операцию на май следующего года. Спасибо Валерию Павловичу, помог убедить. – Заместитель наркома ВМФ вежливо кивнул Чкалову. – Вражеский флот будет вынужден сократить патрулирование, мы же сможем подгадать несколько тихих дней и совершить бросок первой волны. Преимущество атакующего в неожиданности, – Кузнецов повторил слова Галлера.

– А шторма не помешают вашему десанту? – Взятый Тимошенко тон говорил о его скептическом отношении к проблеме.

Впрочем, всем было известно, что нарком обороны недолюбливает флотских и настороженно относится к сближению с гитлеровской Германией. Вынужденному сближению, надо сказать.

Резкий поворот советской внешней политики в 39-м году и практически сложившийся союз с антикоминтерновским пактом после знаменитой франко-британской авантюры с удачами по Баку и Мурманску шокировали многих. До этого момента именно фашистский режим считался самым опасным противником Страны Советов. В Союзе до сих пор многие настороженно относились к перспективам сотрудничества с Третьим рейхом. Непредсказуемость германского вождя и его явная антикоммунистическая риторика отпугивали руководство нашего НКВД. И только немногие понимали, что политика Германии направлена в первую очередь не против коммунизма, а против коминтерновщины и леваков. А ведь самый страшный удар по Коминтерну и идеям мировой революции в свое время нанес именно Советский Союз. Общественная необходимость – выбор между ролью плацдарма в тотальной войне за коммунизм во всем мире или спокойное развитие своей страны, не завоевание, а строительство коммунизма. СССР выбрал второй вариант.

– Шторм в море не мешает авиации, – вступил в разговор Чкалов. – После того как четвертый дальнебомбардировочный корпус развернется на новых аэродромах и приступит к работе, положение англичан еще больше ухудшится. По сведениям из независимых источников, у противника уже проблемы с выпуском самолетов. Нам осталось поднажать, и вражеская авиация уступит небо.

– Стратегическая победа ценой тактических уступок, – прищурился Сталин. – Получается, флот воспользуется успехом, достигнутым ценой крови и пота летчиков? Вы готовы отдать первенство?

Вождь понимал, что его любимчик действует заодно с моряками, это хорошо, так и надо, но ввевшаяся в кровь и плоть привычка сталкивать оппонентов лбами сделала свое дело. Слишком много сил в свое время пришлось потратить в борьбе с партийной оппозицией, слишком дорого и тяжело дался ему путь наверх. Прошлое не проходит бесследно, шрамы на сердце рубцуются, но до конца не заживают.

– Это не моя победа, товарищ Сталин. Это будет наша общая победа. Авиация, флот, воздушно-десантные бригады, морской десант – мы все работаем на победу.

– Вы хотите развязать большую войну? – вмешался Малышев.

– Мы уже ведем войну, – в один голос заявили Кузнецов и Чкалов.

Нарком флота недоуменно поднял брови, серьезное выражение его лица на миг сменилось озорной улыбкой. Чкалов же, воспользовавшись заминкой коллеги, с жаром продолжил:

– Мы не можем остановиться на полпути. Капиталисты воспримут наше миролюбие как слабость.

– Как я понимаю, в этом случае Гитлер не рискнет в одиночку форсировать Ла-Манш и повернет свои танковые армии против нас. Или я ошибаюсь? – Вождь задумался и подошел к натянутой на стене карте. На самом деле, Сталину карта была не нужна, он и так с закрытыми глазами мог нарисовать все европейские границы и безошибочно назвать все советские рубежи.

– Так, товарищ Сталин. Англичане на словах уже предлагали нам союз против Германии, но сами предпочли исподтишка ударить нам в спину. Где гарантия, что они не обманут нас в очередной раз?

– Вам нужны гарантии, товарищ Галлер? Ну, прямо капиталист.

– Нам приходится иметь дело с капиталистами и империалистами, – с достоинством произнес начальник морского штаба.

– И с нацистами, – прищурился Сталин.

Тимошенко во время этого жаркого спора спокойно рассматривал свои ногти. По большому счету возражений у него не было. Наоборот, в душе он был согласен с тем, что эта авантюра закончится громким крахом. Моряки в последнее время обнаглели сверх меры, мало того,

что вышли из состава НКО в самостоятельный наркомат, так еще требуют к себе внимания и уважения, совсем как большие.

Провал будет хорошим уроком для «мокрозадых» самотопов. Несомненно, полетят головы, в первую очередь с высоким постом расстанется этот выскочка Кузнецов. Сам же флот вернут под армейское крыло, на его законное место. Потери авиации и экспедиционного корпуса Семен Константинович считал хоть и дорогой, но неизбежной платой за урок. Чкалову тоже не мешает немного прищемить хвост. Слишком вознесся всенародный герой. Сталин таких любит, но и спрашивает со своих выдвиженцев строже, чем с других, и наказывает не оправдавших доверие по всей строгости.

В случае же, если авантюра Кузнецова и Чкалова оправдается (Тимошенко не знал, что инициатором выступал сам Сталин), Наркомат обороны опять выигрывает за счет дальнебомбардировочной авиации и десантников. Тимошенко буквально передернуло от мысли: сколько средств вбухано в флотофильские увлечения Сталина! Эти ресурсы с куда большей пользой можно было бы пустить на насыщение армии транспортом и средствами связи. Одни только новые линкоры стоят дороже полноценного полностью снаряженного мехкорпуса. Бездумное расточительство!

В отличие от наркома обороны Вячеслав Малышев ничего не выигрывал. То же самое можно было сказать и об Иване Носенко. От кораблестроительной программы им не отвертеться в любом случае. А выполнить ее невозможно. В случае провала операции виноватыми окажутся не только моряки, но и кораблестроители. Наша промышленность только создается, мы только учимся, и все на своих ошибках.

Носенко вспомнил, как месяц назад те же Галлер и Кузнецов устроили настоящий разнос на совещании с проектировщиками в Наркомате судостроения. Дело касалось итогов боевого применения подлодок в финской войне и в Северной Атлантике. Разговор вышел жесткий, на повышенных тонах. Дошло до того, что мореманы на полном серьезе предложили сформировать экипаж из кораблестроителей и конструкторов, посадить его на подлодку и отправить в боевой поход к берегам Исландии.

Положа руку на сердце, Иван Исидорович во многом был с моряками согласен. Действительно, не умеем пока работать. Много приходится учиться у иностранцев, свои разработки пока уступают зарубежным образцам. Мы даже порой и скопировать толком не умеем. Мореходность кораблей невысока. Металл верфи получают некондиционный. Плохо обстоит дело с весовой дисциплиной, из-за этого зачастую получается перегруз.

Подводные лодки уступают немецким аналогам. У наркомата большие проблемы с поставщиками приборов и оборудования. Гидроакустические станции слабые и ненадежные. Проектировщики наделали ошибок с компоновкой. Доходит до того, что на субмарину невозможно загрузить провиант на штатную автономность. Места нет! Моряки по этому поводу много ругались, впрочем, справедливо.

С вооружением кораблей тоже не все в порядке. Вот лишь недавно наладили производство неплохой торпеды, скопировали с итальянской. Да и то, до сих пор не можем решить проблему со взрывателями и устойчивостью торпеды на курсе. Смех и грех один. Оказалось, что из популярной на флоте 45-мм пушки почти невозможно попасть в самолет и очень сложно потопить судно.

Иван Исидорович сам более-менее понял ситуацию, только когда его назначили наркомом. До этого все валил на мелкие недостатки и временные трудности. Оказалось, не все так просто. Нет кадров, и все тут. Нельзя вырастить конструктора за пару лет. Нельзя сельского парня от сохи за месяц научить работать на современном станке. Да и станков тоже мало.

Все эти вопросы решаемые. Дайте время, и люди научатся работать, вырастут, освоят технику. Квалификация по приказу не повышается, техническая грамотность сама по себе, после прочтения пары книжек, не возникает. Нам нужно набирать опыт. Нам нужно время,

а времени нет. Носенко надеялся, что еще лет через пять мы сможем утолить кадровый голод, а пока приходится работать, чем есть и как есть, пока приходится набивать шишки и набираться опыта, зачастую горького.

Носенко удивился бы, узнав о чем сейчас думает Малышев. По мнению наркома судостроения, заместитель председателя Совнаркома зачастую требовал невозможного и не понимал реального положения дел в отрасли. На самом деле Вячеслав Малышев знал ситуацию не хуже Носенко, знал, что кадры в голом поле не рождаются, но и отказаться от навязанных ему программ, уменьшить план не мог.

Кроме того, Малышев понимал то, до чего Носенко еще не дошел. Например, не всем ясно, что у нас слабая судоремонтная база. С ходу эту проблему не решить. Нарком тяжелой промышленности планировал при первой же возможности вернуть вопрос судоремонта морякам, когда они придут жаловаться на задержки с плановым ремонтом кораблей. Дескать, надо было раньше мощности заказывать, а не когда жареный петух закукарекал. Под этим соусом можно будет пересмотреть планы, перераспределить ресурсы и выделить средства на ремонтные корпуса и доки.

Тем временем Кузнецов, Галлер и Трибуц докладывали о состоянии немецкого флота и степени его готовности к форсированию Ла-Манша. По всему выходило, что ради удержания проливов и района плацдармов на 5—7 дней союзникам придется пожертвовать всем своим военным флотом и половиной каботажного тоннажа. Даже с участием советского Балтийского флота операция остается рискованной.

Мало кораблей, мало подводных лодок для блокирования вражеских баз. Даже мин и то мало, для операции не хватит, придется делиться нашими запасами. Кроме того, сильное течение в проливе не способствует устойчивости заграждений. А сорванные с минрепов мины отнесет к району плацдармов. Это повысит риск для транспортов, и без того недопустимый даже по нормам военного времени.

Иногда во время доклада Малышеву казалось, что моряки намеренно сгущают краски, выставляют предстоящую операцию как принципиально невозможную. Зачем? Нарком тяжелой промышленности скосил глаза в сторону Валерия Чкалова. Тот сидел с невозмутимым видом и что-то рисовал карандашом. Вячеслав Александрович удивился было такой реакции летчика, но вовремя понял, что тот в курсе дела и владеет ситуацией не хуже моряков. Значит, мрачный тон выступления для Чкалова не является неожиданностью.

Заместитель главкома авиации пару раз вставлял в доклад свои короткие реплики, подкреплявшие выкладки Кузнецова и Галлера. По всему выходило, они полагают десант возможным, риск в пределах допустимого, а предполагаемые потери небольшой ценой за победу над Британией. Видимо, моряки сгущали краски только для того, чтобы произвести впечатление на присутствующих, обеспечить себе беспрепятственное снабжение и резервы, убедить Сталина в допустимости потерь, в конце концов. Так все и было. Малышев верно просчитал планы товарищей. Иосиф Сталин, впрочем, тоже не строил иллюзий относительно наркомов и прекрасно понимал, чего от него хотят моряки. Виду же между тем не подавал. Он любил такую игру.

4

К вечеру волнение утихло. Обрадованный этим подарком стихии командир подлодки распорядился увеличить ход до 14 узлов. Корабль неплохо держался на курсе, качка слабая, легкая вибрация корпуса от раскрутивших полные обороты дизелей терпима. Можно попытаться наверстать упущенное из-за шторма время и в задуманный срок выйти к рубежу прорыва в Северное море.

Заглянувший на центральный пост штурман напомнил, что, если ночью небо расчистится, неплохо бы попытаться определиться по звездам. Последний раз координаты подлодки уточнялись 50 часов назад. Корабль за это время несколько раз менял курс и скорость, шел в штормовом море. Береговых ориентиров в океане нет. Естественно, если учитывать нехорошую особенность лага давать показания как бог на душу положит и не слишком высокую точность показаний гирокомпаса, координаты на карте, обозначающие местоположение подлодки Д-3 были весьма приблизительными.

Лейтенант Серебряков штурманом был неплохим, умел вести прокладку по счислению, грамотно определялся по солнцу и звездам. Ценный флотский кадр. Два года назад Котлов сманил Серебрякова со второго дивизиона подплава, чем и нажил себе смертельного врага в лице командира Щ-404. Операция по переводу штурмана была обставлена по всем правилам жанра, с душевными разговорами, жалобами и докладными руководству, а также презентом флотскому начальству в виде сэкономленного ящика хорошего красного вина. Дело того стоило. Анатолий Серебряков прижился в новом коллективе и освоился на подлодке. Для человека, плававшего в нечеловеческих условиях тесноты отсеков «Щуки», это было немудрено.

– Где хоть мы находимся? – недовольно пробурчал командир, наклоняясь над штурманским столиком.

– Примерно вот здесь. – Серебряков ткнул пальцем в северо-восточную часть Атлантики.

– Насколько ошибся?

– На лаг давно не смотрю. Гироскоп полетел. Видимо, обмотку мотора замкнуло. Так что, с учетом дрейфа в шторм, нас могло отнести миль на сто южнее.

– Товарищ штурман, а почему у вас приборы так сильно ошибаются? – В люке третьего отсека нарисовалась круглая, заросшая кучерявой с медным отливом шерстью физиономия помполита.

– Потому что приборы ни в дыру, ни в ржавую гайку, – не поворачивая головы, огрызнулся командир БЧ-1-4.

– Политрук Махнов, не мешайте работать, – с угрозой в голосе произнес Котлов.

С тех пор как вышел приказ «Об укреплении единоначалия в Красной Армии и Военно-Морском флоте», отношение экипажа к политруку Махнову сильно изменилось. Не несший практически никакой ответственности, не имевший допусков к кораблевождению и не владевший элементарными знаниями, положенными командиру Красного флота, Эммануил Александрович быстро скатился до роли заместителя по общим вопросам. То есть по никаким вопросам.

Котлов рассеянно почесал в затылке, с такой погрешностью легко можно проскочить мимо конвоя и узнать об этом только во время утреннего сеанса связи. Будем надеяться на хорошую погоду и звездное небо и на то, что штурманский электрик разберется с железным нутром гирокомпаса и оживит эту дуру.

Командир очень рассчитывал на ночное сражение. Стыдно было бы возвращаться, не потопив даже старой калоши. Радиограмма с курсом и координатами конвоя пришла очень кстати. Люди уже стали унывать, командир такие нюансы улавливал моментально, здесь ему помполит был не нужен.

Но если ночь пройдет безрезультатно, если никого не встретим, моральное состояние экипажа упадет, как барометр перед бурей. И так в кормовых отсеках уже ходят нехорошие слухи. Непонятный приказ на срочное возвращение дал повод к брожению умов и «трюмному мифотворчеству». Этим выражением капитан-лейтенант Котлов называл всевозможные неимоверно фантастические слухи и невероятные сплетни, порой возникающие среди краснофлотцев, лишенных доступа к информации и не всегда понимающих планы командования.

Впрочем, если быть честным, командир «Красногвардейца» тоже не всегда понимал смысл распоряжений начальства. Начальство оно такое – умом не понять, аршином общим не измерить. У него особенная статья. В начальство надо просто верить.

– Разрешите, товарищ командир. – Через центральный пост протискивался кок.

Пришлось потесниться, прижаться к бортам, пропуская через отсек широкоплечего краснофлотца Машко, державшего обеими руками большую кастрюлю. При этом с левой руки кока свисали сетка с хлебом и термос. Следом за Машко прошли еще двое краснофлотцев с кастрюлями и судками. Ужин для команды, дело святое.

Исходящие из кастрюль ароматы напомнили командиру, что через 10 минут будут накрывать в кают-компании. Пора передавать вахту командиру БЧ-2-3 и двигать на законный ужин, а затем на заслуженный отдых в своей каюте. Только послужив на подводной лодке, понимаешь, какое это счастье – собственная каюта! Пусть размером с собачью конуру, но зато своя. Маленький кусочек личного пространства, положенный командиру корабля.

Взгляд Котлова упал на барометр. Давление нормальное. Есть надежда, что погода не подкачает. Главное, чтоб сильной качки не было. Людям надо хоть немного выспаться. Пережитый шторм был настоящим испытанием, все три вахты вымотались, как черти в преисподней.

После ужина капитан-лейтенант поднялся на мостик. До вечернего сеанса связи остается два часа. Можно спокойно закурить трубку, затянуться ароматным табачком. Вахту несут артиллерийский лейтенант Борис Донцов и два наблюдателя. Командир БЧ-2-3 мужик надежный, службу знает. Пока Донцов на мостике, командир спокоен. И по торпедно-артиллерийской части у лейтенанта полный порядок.

Даже порой удивительно – человек всего два года как пришел на флот после морского училища, а освоился с первого дня. И в технике разбирается, и с людьми умеет работать. Одним словом – прирожденный моряк. Да так оно и есть, Борис Алексеевич натуральный архангелос, из потомственных поморов.

Порой кажется, что судьба компенсировала капитан-лейтенанту Котлову несчастье в виде помполита таким ценным подарком, как лейтенант Донцов. При этой мысли Виктор Николаевич горько усмехнулся – у всех помполиты как помполиты. Нормальные в большинстве люди. Конфликты с ними, конечно, бывают, не без этого. Но всё по-человечески, люди с командами работают, технику изучают, только на Д-3 вместо помполита живой балласт в виде политрука Эммануила Махнова.

– Политрук Махнов! – Пока командир скатывался по трапу в отсек, ему в голову пришла замечательная идея.

– Здесь.

– Надо сигнальщика на мостике сменить. Поднимитесь, помогите лейтенанту Донцову вахту нести. Заодно поговорите с лейтенантом об организации обслуживания штатной артиллерии в походных условиях, – попросил командир чуть извиняющимся тоном.

– Там же штормит!

– Вот я и говорю: поддержите товарищей. Дайте им пример ответственного отношения к делу и настоящей стойкости перед тяготами боевого похода. – При этих словах Котлов ободительно хлопнул по плечу слегка опешившего помполита.

– Краснофлотца Клименко отправите вниз, он уже три часа на мостике дрогнет. Дождик не забудь.

Командир понимал, что лейтенант Донцов точно не обрадуется такому напарнику, но зато один из вахтенных немного отдохнет перед возможным боем. Махнову все равно делать нечего, пусть развеется, помокнет на посту. С помполита хоть шерсти клок. Еще не хватало, чтоб его от безделья понесло проводить внеплановые политинформации, разъяснять экипажу текущий политический момент и матросов «исповедовать». Нет, лучше пусть к морю привыкает.

Устроив таким образом командиру БЧ-2-3 и помполиту маленькую дружескую подлянку, Котлов еще раз пробежался придиричивым взглядом по отсеку, заглянул в радиорубку и отправился в свою каюту. Каютой, конечно, это помещение называлось по недоразумению. Больше всего сей закуток напоминал не слишком просторный и неуютный гроб.

На койку командир завалился, не раздеваясь. Что делать? Не на линкоре служим. Неряшливость подводников есть следствие нечеловеческих условий обитания в стальной сигаре. Может быть, когда-нибудь, техника так шагнет вперед, что сильно уменьшившиеся дизеля и аккумуляторы освободят немного места для людей, а конструкторы втиснут в подлодку дополнительные цистерны с пресной водой. Когда-нибудь такое счастье улыбнется подводникам. Виктор Котлов считал, что это будет, но не в этой жизни.

Вырубился капитан-лейтенант мгновенно. Стоило только опустить голову на подушку, как в следующий момент он почувствовал толчок в плечо.

– Командир, мы идем параллельным к конвою курсом, – над ухом прозвучал взволнованный голос старпома, – скоро можно начинать.

– Якорь тебе обратным клюзом! – беззлобно выругался Котлов, рывком вскакивая на ноги. Просыпался он мгновенно. Подлодка приучила.

Наручные часы показывали 11.23. Проспал. Или, точнее говоря, ребята дали выспаться, позволили себе не будить командира и всю работу проделали сами. Конечно, это старший лейтенант Соколов постарался. Неужели по-человечески пожалел? Или это ответная подначка по просьбе Бориса Донцова, вынужденного делить вахту с занудным помощником командира по политчасти? Все возможно, старпом и командиры боевых частей на «Красногвардейце» подобрались один к одному, палец в рот не клади.

А сейчас Котлов был благодарен старшему помощнику за бесценные часы отдыха.

– Докладывай! – коротко бросил командир, приглаживая руками взъерошенную шевелюру.

Рапорт был коротким. Соколов все сделал правильно, происшествий за время отдыха командира не было. Когда на море опустилась ночь, а небо прояснилось, старпом изменил курс так, чтобы уменьшить качку и дать штурману определиться по звездам. Навигаторская ошибка оказалась невелика да еще в нашу пользу. Ветеран советского подплава совершенно случайно зацепил гребным винтом фортуны. Они оказались на 32 мили ближе к предполагаемому местонахождению конвоя, чем рассчитывали.

Очередная радиограмма из штаба бригады подтвердила тот факт, что конвой близко и идет прежним курсом. Кроме того, радист поймал передачу с Л-3: балтийцы держатся рядом с конвоем и готовы атаковать, как только к ним присоединятся остальные участники охоты. Всего в ночной атаке будут участвовать четыре подлодки. Это, кроме Л-3 и Д-3, две балтийские «Щуки».

Перед тем как пройти на центральный пост, Котлов заглянул в рубку акустика.

– Когда последний раз прослушивали?

– Четверть часа назад. – Старшина Басманов повернулся к командиру. – Пусто. Ничего не слышно, товарищ капитан-лейтенант.

– Микрофоны исправны?

– Перед выходом проверяли. Все работает, как часы. Помните? – Акустик пожал плечами, словно недоумевая.

На самом деле Владимир Басманов был уверен в надежности своей аппаратуры. Сам разбирал станцию, прочищал контакты и тестировал ее при каждом удобном случае. Наверное, именно поэтому старый немецкий шумопеленгатор ни разу не отказывал. Форменное чудо на фоне постоянных жалоб командиров подлодок на ненадежность и капризность приборов.

– Проверяли, – повторил Котлов. – На какой дистанции был уверенный прием?

– «Фрауэнлоб» слышали за 70 кабельтовых. – Цифра приличная. Обычно шумопеленгаторы улавливали шумы и давали пеленг на куда более скромной дистанции. Особенно много нареканий вызвала система «Марс» первых модификаций. Впрочем, на работу акустика влияло немало внешних условий: течения, температура и прозрачность воды, соленость, наличие слоев воды с разной температурой. Значение имел и опыт «слухача».

Перешагнув через комингс дверей отсека, командир бодрым голосом поздоровался с товарищами:

– Здравия желаю. Кто на мостике?

– Старпом и артиллеристы. Идем полным ходом, – отрапортовал лейтенант Серебряков.

– Что говорит дед?

– Обещал держать ход, сколько потребуется. Аккумуляторы заряжены. Торпеды проверены, аппараты исправны.

– Какая готовность?

– Вторая, командир! – По покрасневшемуся лицу штурмана было видно, что ему не терпится влезть в драку.

– Объявить готовность номер один! – гаркнул Котлов.

– Боевая тревога! – заорал штурман, нажимая на кнопку сигнала громкого боя.

Командир белкой взлетел вверх по трапу на мостик. Ночь. Темень, хоть глаз выколи. Над головой светят холодные россыпи звезд. На миг Котлову показалось, что вокруг стальной башни рубки ничего нет, борт обрывается в бездну. Командир и вахтенные парят в пустоте над черной мглой.

Нет, зрение постепенно приспособилось к темноте. Стали различимы орудие на носовой площадке, натянутый над головой трос подвески радиоантенны, разбегающиеся от форштевня буруны. По левому борту, там, где тьма была гуще, вдалеке сверкнула искорка.

– Дистанция 35—40 кабельтовых, – доложил старший лейтенант Соколов.

– Конвой? – Командир внутренне напрягся.

До капитан-лейтенанта дошло, что там темнеет на горизонте. Да, параллельно курсу подлодки шла настоящая армада. Целая стена кораблей. Безлунной ночью их почти не видно. Только изредка на горизонте блеснет вылетевшая из дымовой трубы искорка или на мгновение загорится свет за распахнутой и тут же закрытой дверью. Требования светомаскировки англичане блюдут.

– Пора приступать. – Виктор Котлов потирает руки в предвкушении хорошей драки и тянется к своей любимой трубке.

– Атака назначена на 12 часов ровно, – замечает Соколов.

Командир чиркает зажигалкой, раскуривает трубку и полной грудью втягивает в себя ароматный табачный дым. Котлова бьет мелкая дрожь. Это не от холода и не от страха. Нет, так всегда бывает перед боем. Трубку позволяет немного успокоиться, взять себя в руки, сбросить нервное напряжение.

Стрелка наручных часов медленно ползет по циферблату. Слишком медленно. Виктору Котлову казалось, что последние десять минут растянулись на целый час. Слишком медленно. Ему хотелось повернуть подлодку на конвой и как можно быстрее атаковать. Нельзя так бездарно тратить время. Ночь не бесконечна. Тем более что идущую параллельным конвоем кур-

сом подлодку может обнаружить эскортный эсминец. Такой жирный конвой просто не может идти без сопровождения. Сколько там боевых кораблей? Неведомо.

«Красногвардеец» держит ход в 10 узлов и медленно приближается к темной, застилающей горизонт стене транспортов. Дистанция определяется на глазок, примерно в 30—40 кабельтовых. Сигнальщики во все глаза вглядываются в ночную тьму. Тусклый свет звезд помогает мало. Луны нет, ушла за тучи. Идеальное время для атаки – разглядеть скользящую меж гребней волн рубку подлодки дело нереальное. Рассказывали, немцы в такое время умудрялись проскакивать буквально перед носом эскортных кораблей и расстреливать транспорты в упор.

А ночь между тем великолепная. Сейчас бы пройтись под ручку с женой по набережным Ленинграда. Под шорох волн рассказывать о морских походах, ночных вахтах, романтике дальних морей и высоких широт. А потом накинуть на ее плечи командирский кожаный реглан и легонько приобнять, вглядываясь в восхищенные, широко открытые глаза любимой. Совсем как тогда, еще до свадьбы. Эх, мечты, мечты! Все это осталось невообразимо далеко, за тысячи миль и совершенно в другой довоенной жизни.

– Приготовиться к атаке! – Лицо капитана приобретает серьезное выражение, руки ложатся на рукоять машинного телеграфа и командного аппарата. «Средний вперед».

– Лево руля! Так держать! – Один из сигнальщиков передает команды с мостика на центральный пост.

Подлодка идет наперерез курсу конвоя. На мостик поднимается еще один краснофлотец – лишняя пара глаз не помешает. Во время ночного боя жизнь экипажа и успех атаки зависят в первую очередь от того, успеют ли подводники вовремя заметить приближающегося противника, воющую турбинами, режущую волны смерть.

Бинокли непрестанно ощупывают горизонт. Дистанция до конвоя сокращается. По правому борту мелькнула тень. Доносится приглушенный расстоянием и шелестом волн басовитый гул турбин. Нервы напряжены до предела. Капитан-лейтенант судорожно стискивает бинокль.

– Вот гад, – срывается с губ командира при виде белых бурунов, разбегающихся от кормы эсминца.

– Прошел в пяти кабельтовых, – замечает старпом, – пронесло.

– Сейчас я ему пронесу. Командиру БЧ-2-3 приготовиться к атаке.

– Первый отсек готов. Седьмой отсек готов, – доносится из рубочного люка.

– Право руля. – Прямо по курсу виднеется громада транспорта. На судне и не подозревают, что сейчас на них направлены шесть торпедных аппаратов; спокойно как ни в чем ни бывало, держат прежний курс.

– Носовые! Второй, четвертый, товсь! – Пальцы с силой вдавливают кнопки командного аппарата.

На панели загораются лампочки готовности. Англичанин держит 10 узлов. Дистанция примерно в 7—9 кабельтовых. Это почти стрельба в упор. На таком расстоянии трудно промахнуться.

– Командир, не забудь упреждение, – советует старпом.

– Таблицы взял?

– Штурман передает данные, – усмехается Филипп Никифорович.

– Левее на полрумба. Так держать! – Корабль послушно ложится на новый курс, нацеливаясь носом на расчетную точку, в которой торпеды должны пересечься с английским транспортом.

– Пли! – Котлов буквально бьет по кнопкам пуска.

– Первая пошла! – Корпус подлодки ощутимо подпрыгивает.

– Вторая пошла! – кричит старшина отделения артиллеристов.

– Право руля! Полный вперед!

– Давай сразу следующему врежем! – Глаза старпома горят огнем.

Азарт захватывает старлея. Соколов нетерпеливо приплясывает на скользком металлическом настиле – надо дать упреждение на полградуса больше и интервал между торпедами в 15 секунд.

– Успокойся, – смеется командир. – Первый, второй, товсь!

Стрелять Котлов решил, как и в первой атаке, с помощью командоаппарата. Пусть машинка дает фиксированный интервал между пусками в 10 секунд, пусть устройство несовершенное, не позволяет отменить команду, если в торпедном отсеке произошла заминка, но зато она экономит время. И не надо, надрывая горло, орать команды так, чтобы их слышали на центральном посту.

Грохот взрыва раскалывает ночь пополам. У борта транспорта вырастает столб огня и воды. Вспышка на миг освещает апокалипсическую картину боя. Из ночной тьмы выхватываются стальные борта кораблей, возвышающиеся над водой трубы, увенчанные тяжелыми грузовыми стрелами мачты.

– Попали! – злобно щерится командир.

В этот миг под кормовым срезом обреченного транспорта вырастает второй водяной столб. Огромная масса воды вздымается выше мачт. Сухогруз подпрыгивает над водой и с жалобным стоном кренится на борт. Агония судна длится считанные секунды. В огромные пробоины с ревом устремляется вода. Рвутся переборки, лопаются палубный настил, трещат искореженные шпангоуты. Люди не успевают выбраться на верхнюю палубу, корабль переворачивается и камнем устремляется в пучину.

– Тысяч восемь водоизмещения, не меньше, – замечает старпом.

Командир не обращает внимания на помощника, сейчас он занят прицеливанием. Подлодка идет навстречу следующему транспорту. Ночь искажает ориентиры, темнота не позволяет точно определить дистанцию, курс и скорость цели. Котлов приказывает сбавить ход и жмет пуск. Еще две начиненные тротилом сигары устремляются к цели.

Всё. Теперь пора уходить. Где-то по правому борту грохочут взрывы. Словно по сигналу, прямо по курсу всего в трех кабельтовых удар торпеды перебивает хребет еще одному транспорту. Началась потеха! Все четыре подлодки ворвались в середину строя конвоя. Волки, режущие овечью отару.

– Эсминец!!! С кормы! Он рядом! – истошно орет сигнальщик.

– Срочное... – кричит Котлов, оборачиваясь на вопль.

Вот он, серый, еле различимый на фоне ночного моря хищный силуэт эскаortedника. Англичанин сбавляет ход и закладывает левый поворот. От форштевня разбегаются волны, на гребнях отсвечивают блики. Сейчас эсминец откроет огонь. Еще секунда, и...

Капитан-лейтенант Котлов непроизвольно втягивает голову в плечи. Времени нет. Их заметили. Эсминец играючи догонит подлодку и, если не успеем погрузиться, расстреляет в упор или протаранит. По спине пробегают мурашки, поясницей чувствуется противный холодок. Неожиданно в голову приходит простое и надежное решение.

– Отставить! – рычит командир.

Стрелка машинного телеграфа передвигается на «самый полный».

– Командиру БЧ-5, давай полные обороты, выжимай, сколько можешь.

– Не успеем, – хрипло шепчет старпом.

– Успеем, – задорно звучит голос Котлова, – проскочим.

«Красногвардеец» увеличивает ход. Нос вздымается над волнами. Людям в лицо бьет встречный ветер, мостик захлестывает брызгами. Носовая оконечность с пушечным грохотом врезается в набегающие волны. Подлодка проскакивает прямо перед носом транспорта и поворачивает на правый борт.

– Сбавить ход. И осторожненько, – мурлычет себе под нос капитан-лейтенант Котлов.

Машинный телеграф передвигается на «малый». Стихает грохот дизелей. Подлодка тихо скользит между колоннами транспортов. Эсминец не успевает уследить за маневром подлодки и отстает. Видимо, они вообще не заметили «Красногвардейца», шли на взрывы торпед.

5

Знаменитое совещание на Ближней даче продолжалось. Несмотря на то, что стрелки часов давно перевалили за полночь, никто не мог сказать – сколько еще времени продлится разговор. И торопить товарищей тоже никто, ясное дело, не собирался. Только Тимошенко украдкой поглядывал на вождя, какой-либо цели на этом совещании он для себя не ставил и искренне изумлялся: зачем его пригласили? Может быть, Сталин специально решил столкнуть лбами моряков с армейцами? Тоже вариант. Об этом Тимошенко как-то не подумал.

В тот момент, когда Галлер перешел к расписанию операции, через порог кабинета переступил Вячеслав Молотов. Председатель Совнаркома сухо поздоровался с товарищами, опустился на свободный стул и поставил на стол свой знаменитый портфель. По слухам, это раритетное, издававшее виды, потертое и потрепанное жизнью вместилище бумаг досталось товарищу Молотову в наследство от Столыпина или было обобществлено в годы революции в доме Столыпина. Здесь версии рассказчиков расходились.

– Опять ты, Вячеслав, опаздываешь, – недовольно пробурчал Сталин.

В действительности он заранее знал, что Молотов придет поздно, поэтому и предупредил секретаря – не задерживать предсовмина в приемной.

– Переговоры с немцами, – с серьезным видом произнес Молотов, он тоже все прекрасно понимал, но правила игры требовали оправдаться за опоздание.

– Мог бы оставить кого из молодых. У тебя и так времени мало, – буркнул вождь, нервным движением выколачивая трубку о каблук.

– В следующий раз так и сделаю.

– Дело обстоит следующим образом. – Сталин разом прекратил бессмысленный спор и вернулся к главной теме разговора: – Товарищи Кузнецов и Галлер задались целью во что бы то ни стало помочь Гитлеру высадиться в Англии и разгромить гордых сынов Британии. Так я понимаю.

– Это только одна сторона медали, – вставил Чкалов.

– А товарищей военлетов мы пока не спрашиваем. – Сталин добродушно усмехнулся в усы.

– Предложение интересное. Может быть, правильное, а может, и нет. Я вот пока не знаю. А вы как думаете, товарищи?

Высказываться первым никто не спешил. Даже сторонники умеренного курса предпочли выждать, посмотреть, в какую сторону пойдет дальнейший разговор. Люди на совещании собрались опытные и неглупые – знали, вождь лукавит. Ждет, ловит на слове, если кто выскажется в неверном ключе. Выдержав паузу и обведя присутствующих тяжелым взглядом из-под бровей, Сталин повернулся к заместителю главкома авиации:

– А что скажете вы, товарищ Чкалов?

– Раз мы влезли в драку, отступать нельзя. Надо добить лордов, вогнать их в гроб, так, чтоб смотреть косо в нашу сторону боялись.

– Хорошее мнение. Вы, товарищ Тимошенко?

– Не стоит спешить, – нарком обороны хитровато прищурился, – пусть Гитлер набьет себе шишек, а мы посмотрим, кого поддержать. Может, англичане нам больше уступят?

– Интересный взгляд на проблему, товарищ Тимошенко. Пока тигр дерется с китом, умная обезьяна ест яблоки. Занимательно, но политически неграмотно. Нельзя обманывать союзника. А что на это скажет товарищ Кузнецов?

– Как я уже говорил, без нашего участия шансы немцев на победу невелики. Если война затянется на несколько лет, плохо будет всем. Плохо будет немцам. Плохо будет англичанам. Плохо будет и нам.

– А что для нас плохого? – вмешался Носенко. Про себя нарком надеялся, что Сталин и Молотов охладят запал флотских товарищей, вразумят и убедят не спешить. А там, глядишь, удастся за срыв планов оправдаться, своих корабелов в положительном свете выставить.

– Разрешите? – поднялся Малышев.

– Слушаем вас, товарищ.

– Товарищ Сталин, советская промышленность задыхается без нефти.

– А Баку? – удивился Чкалов.

– Разработанных бакинских и грозненских месторождений нам пока достаточно, но только на сегодняшний день. Дальнейший рост объемов производства, индустриализация потребуют увеличения добычи. Нам уже не хватает нефти для переработки в бензин. А где ее брать? Покупать у американцев?

– Волжско-Камский регион, – усмехнулся вождь.

– Регион перспективный, – согласился заместитель председателя Совнаркома, – но практически неразведанный и требующий серьезных вложений. Сначала нужно провести георазведку, пробное бурение, оценить запасы нефти и ее извлекаемость. Только потом осваивать регион и строить мощности по переработке. Придется заново создавать инфраструктуру, регион бедный, неразвитый. Надо прокладывать железные дороги, расширять речные порты, строить города и перерабатывающие заводы.

– Так сложно? Сколько времени это займет? – изумился Николай Кузнецов.

Нарком флота сразу понял, что Малышев сделал хитрый и верный ход. Заинтересовать, подкинуть на первый взгляд верное решение. Показать его сложность, дать оппонентам возможность выговориться и только затем выдвигать основную идею. Главное в этом методе – ограничить восприятие оппонентов до предложенных вариантов: одного правильного и одного ошибочного. Пока непонятно, куда клонит Вячеслав Александрович, но нефть – это сильный козырь. В случае чего, не стоит пренебрегать этим аргументом.

– Восемь лет, если отдать месторождение в концессию, или пять лет, если разрабатывать собственными силами. Второе выгоднее.

– Долго, очень долго, товарищ Малышев, – процедил Иосиф Виссарионович, – нефть нам нужна сейчас.

– Мы при любых обстоятельствах обязаны освоить наше месторождение и создать инфраструктуру, – Малышев спокойно выдержал тяжелый взгляд вождя, – но не стоит забывать, что благодаря нашей армии и верному политическому ходу товарища Сталина...

– Пустое, – коротко бросил вождь.

– ...мы контролируем Персию и Месопотамию. Это большие разведанные запасы нефти. Налаженная добыча, качалки, баки, насосные станции. Причем в Месопотамии идет нефть легких фракций, в ней незначительное содержание серы и других вредных примесей. Это означает, что проще будет перегонка, меньше неприятностей с очисткой, из нефти получается больше высокооктанового бензина, – пояснил нарком.

– Я слышал, у нас не так много железнодорожных составов, чтоб наладить доставку нефти из Южного Ирана, а морской путь перекрыт англичанами, и Суэцкий канал в их руках, – заметил Молотов. В глазах Вячеслава Михайловича блеснули холодные искорки. Знаменитый «каменнозадый» председатель Совнаркома сразу понял, куда клонит заместитель. Дело хорошее, но связанное с большими внешнеполитическими сложностями.

Взваливший в последнее время на свои плечи обязанности наркома иностранных дел Вячеслав Молотов понимал, что просто так никто нам не позволит удержать за собой Персидский залив и Месопотамию. Слишком много желающих установить свой флаг над стратегически выгодным, перспективным регионом. Будут проблемы и с местными племенными вождями. Советская идеология им непонятна, а вот у немецких товарищей давно налажены

контакты с бедуинскими наибами. Вплоть до прямой поддержки и контрабандных поставок оружия.

Регион сложный, настоящий гордиев узел противоположных интересов, завязанный на страшеньком местном самосознании. Восстановить добычу из английских скважин – это одно, впрочем, товарищи на местах уже давно запустили английские перегонные установки и обеспечивают потребности нашей армейской группировки за счет местных ресурсов.

Доставить бесценное топливо в СССР – это другое. А удержать за собой район Персидского залива – это третье. Последний вопрос наиболее сложный, англичане никогда не согласятся отдать нам Ближний Восток. Французы в свое время сами планировали потеснить англичан. Немцы тоже не прочь закрепиться в Египте, районе Суэца и Сирии. Непонятно, какова будет реакция американцев, когда они поймут, что мы не собираемся уходить из Месопотамии. Вопросы, вопросы, вопросы, и все, как снег на голову, Наркомату иностранных дел. А мы еще до сих пор литвиновские конюшни не разгребли. Грустно.

– Мы можем расширить железную дорогу через Тегеран. Проложить вторую колею. Это будет быстрее и дешевле, чем... – Малышев вовремя остановился и схватил стакан с водой. Увлёкся и чуть было не ляпнул лишнего. Сталин слишком близко к сердцу принимает всё, отдаленно напоминающее прожектерство Троцкого. Молотов тоже не любит, когда люди лезут в его дела и дают советы по внешней политике.

– И для того, чтобы удержать за собой этот район, мы должны гарантированно пресечь любые попытки англичан вернуть под свой контроль Ближний Восток. Самым лучшим и единственным способом является разгром Британской империи, – поддержал Малышева Кузнецов.

Нарком флота сообразил, что речь Вячеслава Малышева как нельзя лучше подкрепляет планы моряков. Сегодня тяжелая промышленность на нашей стороне. «А что? Удержание Месопотамии – это хороший козырь. Можно поставить на карту нефть. Тем более что флоту она тоже нужна», – мелькнуло в голове наркома Кузнецова. Естественно, Малышев впоследствии потребует от моряков некоторые уступки в обмен на сегодняшнее выступление. Николай Кузнецов уже догадывался, что именно. Но все это ерунда, главное сегодня – убедить товарищей в своей правоте.

– Интересная точка зрения. Скажем так, империалистическая, – заметил Сталин и, выдержав паузу, добавил: – Или антиимпериалистическая. Смотря с какой стороны глядеть.

Сталин умел выдерживать в разговоре нужные паузы, привлекая внимание к своим словам и делая акцент на определенной фразе. Хорошее умение, освоенное им еще в юности на уроках в семинарии.

– Хотят ли народы Персии и Месопотамии строить коммунизм? – взгляд вождя уперся в Молотова.

– Много несознательного элемента. Феодалные пережитки. Отсталая экономика и засилье азиатской коррупции. У нас и в Прибалтике полно дел, приходится этих свинопасов подтягивать до нашего уровня, – недовольно пробурчал председатель Совнаркома.

– Есть мнение не заострять внимание на этом вопросе. Какая разница, что выберут арабы и персы: народную республику или Советскую Союзную республику?

Желающих спорить не нашлось. Впрочем, по интонациям вождя Молотов понял, что тот предпочтет предоставить Ирану и Месопотамии независимость, но под нашим чутким руководством. И то хлеб. Меньше расходов для Союза. В отличие от любителей помахать шашкой Вячеслав Михайлович не брезговал бумажной работой, знал, во сколько нам обходится воссоединение с историческими землями. Дорогое удовольствие брать под свою руку нищие окраины и бесштаных лимитрофов.

Николай Кузнецов вежливо кашлянул, привлекая к себе внимание, и вернулся к своему вопросу. Он, если честно, не рассматривал вариант с обустройством нефтяных полей и импор-

том топлива в Союз. Молодец, товарищ Малышев! Добрую идею подкинул, хороший козырь для рысеглазого полуночника.

По плану наркома флота, Союз должен получить в первую очередь базу в Персидском заливе. Это выход в Индийский океан. Это серьезные перспективы и близость к Суэцкому каналу. Железная дорога до Басры тоже входила в планы Кузнецова, но не в первую очередь. О проблемах снабжения передовой базы Николай Кузнецов как-то не задумывался.

После освобождения Англии моряки и руководство авиации хотели взять в долгосрочную аренду пару портов и аэродромы на полуострове Корнуолл. Считалось, что согласовывать размещение нашей дальней авиации и передовых баз флота в Англии придется только с немцами, а они возражать не будут. Кроме того, Кузнецов уже положил глаз на остатки английского флота, верфи и недостроенные корабли. Пусть НКВД поторгнется. Надо подсказать.

Был в мыслях флотского руководства и поход в Индию, но это только в случае счастливого стечения обстоятельств, при всемерной поддержке руководства и в первую очередь как заманчивый фантик для Буденного и других заслуженных кавалеристов. Среди армейцев единства не было. Течения наблюдались разные. Даже после разгрома путча Тухачевского НКО был не в силах причесать всех под одну гребенку. На этом можно было сыграть.

– Все высказались? Есть мнение заслушать товарища Молотова и выяснить, о чем он так долго беседовал с немецкими товарищами. – Судя по этой фразе и слову «товарищи», к переговорам Сталин отнесся весьма благосклонно.

– Риббентроп хочет получить от нас гарантии нашего участия в войне до победного конца. Это, если коротко.

– Война?! Считалось, что мы не воюем, а проводим акцию по умиротворению агрессивной, излишне агрессивной державы, – притворно удивился Сталин.

– С момента высадки немцев на Остров это будет настоящая война. И если англичане отразят немецкий десант, обезопасят метрополию и перебросят значительный контингент в Переднюю Азию, это тоже будет серьезная война, – констатировал Молотов. – Гитлер – политик умный и хитрый, но он завяз в английской кампании и уже не может маневрировать. У нас тоже сузилось поле маневра, но мы в лучшем положении. Для Союза английская война остается периферийным конфликтом. Мы можем себе позволить один раз напрячь мускулы, как следует стукнуть Черчилля в лоб и принять капитуляцию.

Германии придется владеть основным бременем оккупации Великобритании, добывать английские группировки и флоты в Средиземноморье, нести на своих плечах борьбу с остатками британского флота в Атлантике. И не факт, что Гитлер сможет заключить мир с английским правительством в изгнании и бывшими доминионами. Я не могу сказать, сумеет ли Рузвельт переизбраться на третий срок, но если он удержится у власти, Северная Америка не смирится с немецкой оккупацией Англии.

– Какие могут быть неприятности с оккупацией? Англичане – не испанцы, на сильное повстанческое движение у них духа не хватит, – высказал свое мнение Тимошенко.

– Ошибка мерить боевой дух по колониальным войнам, когда речь идет о защите отечества. Английское подполье и партизанское движение создаст сам Гитлер, в тот момент, когда прекратит подвоз продовольствия в Англию. А он обязательно прекратит подвоз. В Германии дефицит продуктов питания. Внешний экспорт в Британию прекратится с момента ее капитуляции. На Острове наступит голод. Англичане просто будут вынуждены драться с оккупантами или умирать от истощения.

– Получается, Гитлер своими руками выроет себе яму? – В желтых рысых глазах Сталина блеснули искорки.

– Он не сможет поступить иначе и будет вынужден усмирять голодные бунты силой. – Молотов утвердительно кивнул и поправил очки.

– Гитлер будет занят умирением покоренных территорий. Это очень хорошо. Это просто замечательно, товарищи! – Сталин восхищенно цокнул языком. Вождь невольно проговорился, сболтнул то, что военным пока знать рано. А лучше вообще не знать.

Никто из присутствующих не понял, почему именно эта мысль его обрадовала. Никто не заглядывал в будущее так далеко, как вождь и учитель. Зато Сталин после слов Молотова смог вздохнуть спокойно, до сегодняшнего дня он серьезно опасался неожиданного изменения планов Германии относительно СССР. Гитлер – политик непредсказуемый, от него можно ожидать чего угодно. Это пугало и одновременно манило, притягивало такого рационально мыслящего, расчетливого и ненавидящего риск человека, как Сталин.

– Разрешите? – поднялся Валерий Чкалов и, не дожидаясь дозволения, перешел к делу: – Мы уже ввязались в конфликт. Наше участие в воздушном наступлении на Остров – свершившийся факт. Отступить? Вывести наши части из Франции? Да, это возможно.

– Вы так думаете? – Сталин бросил на докладчика заинтересованный взгляд.

– Мы можем отступить, – невозмутимо продолжал летчик, – но каковы будут последствия? Мы испортим отношения с нашим единственным европейским союзником. Мы не сможем наладить контакт с англичанами и американцами, даже на уровне довоенных отношений. Нам придется ждать, когда Англия, отбив немецкую атаку на метрополию, нанесет удар по нашей территории, – рубил Валерий Павлович. – Нам придется уйти в оборону.

– Мы прекрасно помним политику Лондона и Парижа как во времена Судетского кризиса, так и при нашей последней попытке остановить германскую агрессию, – добавил Молотов.

– Надеюсь, все понимают, как мы тогда ошибались, – задумчиво произнес Сталин.

– Наша армия отразит любое нападение с любого рубежа, – заметил нарком обороны. Тимошенко постарался лишний раз напомнить о вкладе РККА в решение военных конфликтов последних лет. Впрочем, здесь он дал маху. Сталин довольно скептически отнесся к нашим «успехам» в Финляндии.

По мнению всех присутствующих, эту войну можно было провести куда быстрее, с большими результатами и меньшими потерями. И если прорыв «линии Маннергейма» по праву считался успехом, то о действиях частей 8-й армии говорить можно было только диким матом. Попасть в окружение при наступлении на заведомо более слабого противника – это надо суметь.

Пусть Тимошенко назначен на пост наркома недавно, но это не снимает с него ответственности за недоработки на прежнем посту и ошибки предшественников. Таково было устойчивое мнение. То же самое касалось и других участников совещания, пусть большинство принадлежало к последней волне выдвиженцев, работать на результат надо было с первого же дня назначения, с момента утверждения, а желательно еще раньше.

Совещание подходило к концу. Наконец-то совместными усилиями производственников, моряков и заместителя главкома авиации удалось протолкнуть назревшее решение.

– Товарищ Поскребышев, приготовьте, пожалуйста, всем чаю, – попросил Сталин, приоткрыв дверь кабинета, – и посмотрите, что у нас осталось. Печенье там, сахар, может, сухарей найдете.

Это был сигнал к окончанию работы. Основные вопросы решены, политика выработана. Воплощение планов ляжет на плечи исполнителей. Разумеется, никто не снимает с участников совещания ответственность за успешность дела, но по крайней мере им не придется искать вражеские конвои в штормовом море, вести бомбардировщики сквозь зенитный огонь и высаживаться на простреливаемые со всех сторон пляжи. Это уже дело низовых исполнителей.

Да, соединенные военно-морские силы Германии и СССР были значительно слабее британского флота. Даже по численности кораблей британцы превосходили европейские флоты. Британия, правь морями! Над империей не заходит солнце! Это так. Но тем не менее даже у англичан были слабые точки. Британский флот понес значительные потери не в бою, а в мирное

межвоенное время, не от врага, а от недальновидной политики Кабинета, от экономического кризиса и режима экономии.

Сейчас, осенью 40-го года, величие и неохватность Британской империи сыграли с англичанами злую шутку. Флот не мог прикрыть все зоны их интересов. Морякам приходилось держать крейсерские соединения в колониях и на стратегически важных, ключевых базах, надо было бороться с вражескими рейдерами, удерживать Средиземноморье.

Сложным было положение на линиях снабжения. Сопровождение конвоев легло на плечи Гранд Флита тяжелым бременем. Никто бы не подумал, но англичанам банально не хватало эскортных эсминцев. Дошло до того, что Черчилль вел с американцами переговоры о покупке кораблей в обмен на военные базы в западном полушарии. Собственные верфи не справлялись с военными заказами.

6

Нахальные чайки с протяжными криками кружат над кромкой прибоя. Волны с грохотом разбиваются о береговые скалы, с шорохом накатываются на узенькую полоску галечника. Холодный, пронизывающий до костей ветер с фьорда срывает с гребней волн клочья пены. Серое свинцовое небо нависает тяжелой твердью. Погода предвещает скорый нудный осенний дождь.

На дворе середина октября. Длинные ночи становятся все холоднее и холоднее, с Атлантики постоянно нагоняет дождевые тучи. В море бушуют шторма. Кромка плавучих льдов смещается к югу. Пусть теплое течение вдоль побережья Норвегии не позволяет морю замерзнуть, но от этого не легче. Оно только создает иллюзию, обманывает своей кажущейся безопасностью. Северная Атлантика – не самое лучшее место для человека, и уж тем более зимой.

К сожалению, война давно не признает таких вещей, как отдых на зимних квартирах. Время романтики парусных флотов осталось в далеком прошлом. Современная война не делает скидок на непогоду. Наоборот, шторм, низкая облачность, дождевая пелена благоприятствуют дерзким рейдам подлодок. Нелетная погода спасает от самолетов, а сильное волнение позволяет скрываться от корветов и эсминцев. На глубине нескольких десятков метров шторма нет.

Именно такими словами всего полчаса назад командир североморской бригады подплава капитан 1-го ранга Кошелев подбадривал своих подводников. Не многие поняли, что каперанг так шутит – дошло только, когда Александр Владимирович перешел к делу и объявил приказ: срочно готовить корабли к выходу в боевой поход. И это после громко зачитанной метеосводки, в которой совершенно определенно говорилось, что на ближайшую неделю погоду над Северной Атлантикой будет определять циклон с Гренландии. Прогнозируются туманы, облачность, резкий ветер до 10 баллов, осадки.

Новость большинством офицеров была воспринята спокойно. Все понимали, что приказ пришел с самого верха, оспаривать его себе дороже, да и не по Уставу. Только командир Щ-422 Дмитрий Самойлов попытался напомнить, что «Щуки», в общем-то, не предназначены для действий в открытом океане.

– Не предназначены? – задумчиво протянул командир бригады. – Ошибаетесь, товарищ старший лейтенант, с этого момента подводная лодка Щ-422 считается океанским крейсером. Усек?

Сказано это было таким тоном, что напрочь отбило всякое желание спорить с начальством. Обведя присутствующих уверенным взглядом, командир бригады задержался на капитан-лейтенанте Котлове. Командир «Красногвардейца» держался сегодня спокойно, вопросов не задавал, практически ни с кем не перешептывался, на приветствия товарищей отвечал односложно. На мгновение у Кошелева возникло подозрение, что Виктор Котлов заранее знал, о чем пойдет разговор и даже то, что будет сформулировано в боевых приказах, которые командиры подлодок распечатают в море.

– Капитан-лейтенант Котлов, как дела у вас с матчастью? – для порядка поинтересовался командир бригады.

– Отремонтировали, товарищ капитан 1-го ранга. Дизеля в порядке. С электрикой штурман сегодня разберется, должны новый гирокомпас установить. Аккумуляторы... – Котлов запнулся. – Аккумуляторы заряд держат, но выделение водорода выше допустимого.

– Когда сможете устранить? Помощь бригадных специалистов нужна?

– Менять надо батареи, четыре секции точно.

– А почему на заводе не заменили?

– Сами знаете, не входило в утвержденный перечень работ, – поддержал своего командира старший лейтенант Соколов.

– Когда будете готовы к выходу в море?

– Через два дня. – Котлов хитровато прищурился и по привычке полез в карман за трубкой. Курить хотелось страшно, но, пока идет совещание, нельзя, Кошелев сам не курил и другим не разрешал.

– Сегодня мои люди заменят гирокомпас и перепроверят системы. Боцманская команда к шестнадцати часам доложит об исправности клапанов и рулей глубины. Остается принять боеприпасы, погрузить торпеды, продовольствие, принять топливо, и мы готовы.

– Ишь ты, какой правильный: к шестнадцати доложат, – хмыкнул Кошелев, но про себя командир бригады был доволен ответом, так и надо докладывать. Знал: на Д-3 все будет в порядке, и командир корабля хоть себе на уме, но службу знает. Если бы не война, Котлова назначили бы на новый подводный крейсер. Штатное расписание было утверждено, но тут сам Кошелев притормозил назначение. Ему была важнее старая, но боеспособная и с хорошим командиром подлодка, чем новый, мощный, но пока небоеспособный корабль.

Совещание завершилось, подводники и флотские специалисты рванули вон из кабинета на улицу, по пути доставая портсигары и зажигалки. Одним из первых на крыльцо выскочил Виктор Котлов. Настроение у него было похоронным. На совещании капитан-лейтенант специально напустил на себя делано равнодушный вид, но на душе как будто камень лежал.

– Будем Скапа-Флоу перекрывать? – полюбопытствовал старпом, догоняя неторопливо марширующего в сторону пирсов командира.

– Или в Ла-Манше тонуть, – невозмутимым тоном ответил Котлов. Затянувшись и выпустив облако ароматного дыма, Виктор Николаевич продолжил: – Ты, это самое, язык придержи. Мало ли какая дрянь услышит, а нам пока знать о цели операции не положено.

– Разумно, – согласился старпом, на всякий случай озираясь по сторонам.

Узкая грязная улочка рыбацкого поселка с непроизносимым названием. Людей не видно. Местные сидят по домам и кучкуются в питейных заведениях. Изредка попадаются спешащие по своим делам краснофлотцы и немецкие солдаты из комендантских и интендантских подразделений. Передовая база советского флота.

Со стороны отдельно стоящего здания штаба хорошо видны замершие у причалов и бортов плавбаз похожие на спины акул подводные лодки. Полтора десятка кораблей, большинство успело провести предподходный ремонт, только С-5 и Щ-317 будут готовы к выходу в море не раньше чем через две недели. У обоих балтийцев обнаружились серьезные неполадки с электромоторами. Приходится ждать транспорт с запасными частями. Моторы своими силами не восстановить.

Котлов и Соколов медленно спустились на берег. Под ногами скрипела свежееотсыпанная щебенка. Дорогу отремонтировали считанные дни назад. До этого здесь была обычная, вдрызг разбитая колесами грунтовка. С первого дня после перебазировки во фьорд флотские командиры бомбардировали сухопутное начальство рапортами с мольбами навести порядок на территории новой базы и разобраться с интендантским бардаком. Не помогало. И только две недели назад, когда на спуске опрокинулся грузовик, везший торпеду, командование всполошилось, оторвало зады от стульев и организовало ремонт дороги.

К слову сказать, все решили немцы. Комендант выехал на место, прикинул объем работ. Через два дня фельджандармерия пригнала толпу английских и норвежских военнопленных, обеспечила дополнительный транспорт, открыли карьер, и работа закипела.

Наблюдая за копошением дорожных рабочих и курировавшими ход работ специалистами, Виктор Котлов невольно проникся к союзникам чувством уважения. Жесткие сволочи, но работать умеют! Они все делали добросовестно, надежно, быстро и при этом без наших

вековых расейских авралов и неразберихи. Каждый знал свое дело. Бригадам заключенных указали фронты работ, заранее подсчитали нормы времени и распределили рабочую силу.

Получилось так, что из карьера завозилось ровно столько камня, сколько в сутки укладывалось в дорожное полотно. Машины выделили с расчетом того, что часть техники обязательно сломается и встанет на ремонт. Немцы даже среднее время ремонта заранее рассчитали! Педанты, одним словом. Неизбежный на большой стройке бардак каким-то волшебным образом испарился и устаканился в первый же рабочий день.

Немцы быстро отсыпали новую дорогу от шлагбаума на въезде в поселок и до причалов, отремонтировали два полуразвалившихся, размываемых волнами пирса, соорудили с полдюжины каменных складов под береговым обрывом, но точно выше захлестываемой в шторм волнами береговой полосы. На все про все – ровно две недели и примерно две тысячи человек рабочих, подгоняемых полудюжиной специалистов и взводом лагерной охраны.

– Сработано рабами рейха, – перефразируя классика, хмыкнул Соколов, вышагивая по кромке дороги.

– А ты заметил: к заключенным у них отношение скотское, хуже, чем к собакам? – вторил старпому Котлов.

– Нет, не обратил внимания.

– Глядеть надо было. Я-то наблюдал: людей держат в неотапливаемых сараях, кормят из рук вон плохо, заключенные все отошавшие, на обед и ужин чуть ли не галопом бегут.

– Но немцы запрещают бегать!

– Вот, а все равно чуть ли не бегом поспешали, а какие глаза при этом были, – протянул Котлов. – За кусок хлеба готовы глотки рвать и пахать до упаду.

– Я как-то не обращал внимания, работают, и всё тут. Не думал, что немцы на еде экономят. У меня один знакомый в свое время срок мотал, за саботаж, так рассказывал, что голодом заключенных не морят, работать заставляют, но и не издеваются почему зря.

– Так это у нас, а у немцев, пока эту дорогу строили, с полсотни человек передохло, – при этих словах капитан-лейтенант злобно пнул ногой примостившийся у обочины валун. – Это навскидку. Трупы они машинами увозили, обратным рейсом вместо досок и цемента.

– Я и не думал, – извиняющимся тоном ответил старпом.

– Работают они хорошо, есть чему поучиться, но люди для наших союзников – это расходный материал, грязь, – пробурчал Котлов и резко оборвал разговор: – Всё, пришли.

«Красногвардеец» стоял, пришвартовавшись левым бортом к плавбазе «Умба». С берега подлодку почти не было видно, только небольшой кусочек покато́й, обрывающейся в воду кормы. Все остальное закрывал корпус старушки плавбазы. Как помнил командир, у носовой раковины «Умбы» должна стоять Д-1 «Декабрист».

Несмотря на то, что в Тронхейм-фьорде сконцентрировались две балтийские и одна североморская бригады, организационную структуру и службы обеспечения не смешивали. Каждая бригада обслуживалась своими плавбазами и со своих береговых складов. Общими были только госпиталь и база ГСМ. С одной стороны, это служило источником вечных склок между командирами дивизионов и интендантами, но зато позволило упростить переброску тылов и не сорвать текущий ремонт кораблей. Дело важное, так как после каждого похода приходилось заново приводить подлодки в боеспособное состояние. Механизмы, в отличие от людей, имеют обыкновение ломаться.

Поднявшись на борт «Умбы», подводники прошли на корму судна и спустились в механическую мастерскую. Как Котлов и предполагал, именно здесь обнаружили штурман Серебряков и лейтенант Чернавский, молодой и энергичный командир БЧ-5, он же стармех, он же дед. Смугловатый, коротко стриженный и гладко выбритый, сверкающий большими карими глазами царь и бог моторной группы подлодки. Полновластный хозяин шестого и седьмого отсеков с установленными там дизелями и электромоторами.

– Здравствуйте, командир, – первым поздоровался стармех, со смущенной улыбкой разводя в стороны блестящие от масла с разводами грязи ладони. Дескать, рад бы пожать руку, да...

– Как работа? – кивнул в ответ капитан-лейтенант Котлов и стиснул запястье Андрияна Чернавского. Серебрякову командир просто кивнул, сегодня уже виделись.

– Идет, командир. – Механик кивнул в сторону собиравших какой-то механизм краснофлотцев.

– Что с гирокомпасом и почему мы в прошлом походе чуть было не влетели в Исландию?

– Электрики уже установили и подключают, – отреагировал штурман.

– Молодцом. А это что перебираете?

– Муфта правого винта немного греется. – Зная Чернавского, можно было сказать, что механизм слегка перегревается при форсаже моторов. Но для командира БЧ-5 и это был непорядок. – К вечеру успеем.

– Хорошо. Через час в центральном посту собираются все командиры корабля. Прошу не опаздывать. – С этими словами Котлов развернулся и быстрым шагом направился к трапу. Он хотел успеть пройти по своей подлодке, самому осмотреть все отсеки, заглянуть в трюмные ямы, проверить состояние корабельных систем. Надо еще проинспектировать работу боцмана и возившихся с носовым орудием артиллеристов.

Пока Котлов в сопровождении командиров БЧ-1-4 и БЧ-2-3 обходил корабль, у него все не выходил из головы сегодняшний разговор у командира бригады. Котлов был бы рад ошибиться, но факты – штука упрямая, к сожалению. Ближайшее будущее открывалось ему нерадостным и недолгим. Это ввиду серьезного риска несвоевременной кончины вместе со всем экипажем корабля. Своими сомнениями командир поделился только со старпомом, тот после недолгих размышлений полностью согласился с выводами Котлова.

Первый раз догадка блеснула в голове капитан-лейтенанта, когда «Красногвардеец», расстреляв все торпеды, отрывался от охранения конвоя. Слишком необычен был приказ, предписывающий всем подлодкам срочно возвращаться в Тронхейм-фьорд. Причем распоряжение касалось как североморцев, так и балтийцев.

Победные реляции в газетах и радиосводках трубили об успехах нашей дальнебомбардировочной авиации и союзных Люфтваффе в небе над Британией. В последнее время тон газетных сообщений изменился, стал по-настоящему бравурным, гремел фанфарами и медью горнов.

Повлиял на Котлова случайно услышанный перед походом разговор в штабе, речь шла о проблемах со снабжением и обеспечением соляркой. Высокий чин из интендантства беспокоился, хватит ли в Бергене топлива для балтийских крейсеров и эсминцев. Кроме того, разговор коснулся вопроса рассредоточения транспортов с боеприпасами. В частности, речь зашла о проблемах с выгрузкой 305-мм снарядов. Калибр наших «Марата» и «Октябрины». Не моряку задаваться вопросом: что бы это значило? Раз начальство перегоняет в Норвегию не только боевое ядро флота, но и старые дореволюционные калоши, дело пахнет большим купанием.

Подозрительным командиру и старпому «Красногвардейца» показался и нездоровый оптимизм непосредственного начальства. На вернувшихся из похода подводников нагрузили ускоренные курсы повышения мастерства, заключавшиеся в прослушивании пары абсолютно бесполезных лекций о методах атаки эскадренных соединений противника с рекомендациями не бояться вражеского охранения. Дескать, не так страшна ПЛО, как ее малюют.

Пользы от лекций было немного, но зато боевых командиров заставили еще раз как следует проштудировать опознавательные таблицы, заучить силуэты военных кораблей, которые могли встретиться в море. Заодно, впервые с начала войны, удалось собрать вместе наиболее удачливых и энергичных командиров подлодок, дать им поговорить по душам, поделиться своими тактическими находками.

Стоянка во фьорде тоже имеет свои плюсы. Моряки наконец-то вырвали время встретиться с боевыми товарищами, плотно посидеть и обсудить накопившееся за рюмкой чая. А как же без этого?! На берегу можно. Говорят, в царское время мореманам специально давали возможность побузить в порту от всей души, так, чтоб чертям тошно стало. Давно подмечено: моряк на берегу и моряк в море – это два совершенно разных человека.

Вечером на пути к добротному каменному дому в центре поселка, служившему морякам-подводникам общежитием, уставшего, но довольного капитан-лейтенанта Котлова догнал старпом. Поднимавшийся по склону вверх Котлов остановился, заслышав за спиной скрежет камней под подошвами ботинок и учащенное дыхание. Филипп Соколов молча кивнул командиру, подождал, пока тот раскурит свою знаменитую трубку. Начинать разговор с бухты-барахты не хотелось.

– Что? На корабле непорядок? – миролюбивым, чуть усталым тоном процедил Котлов.

– Что там может быть не в порядке? – усмехнулся в ответ лейтенант Соколов. – Сам знаешь: мы хоть завтра можем выйти в море.

– Как думаешь, почему мы берем полный запас топлива, а продовольствия только на две недели? – командир первым затронул тревоживший обоих вопрос.

– Ближний рейд, блокировать Ла-Манш, – согласился Соколов.

– Глупости. Даже наши на такое не пойдут, а Гитлер хоть и сумасшедший, но котелок у него варит. Будут выманивать английский флот из баз и пытаться подвести линкоры под торпеды подлодок и воздушные удары.

– Отвлекающий маневр? Да, может быть и такое. Эх, нас с училища готовили к эскадренным боям, атакам на вражеские линкоры и крейсера, а сейчас... – старпом замаялся. – Сейчас понимаешь, какая это глупость.

– Привык к охоте на беззащитные транспорты? – ехидно усмехнулся Виктор, в душе же он был согласен с товарищем: подлодка должна бить по вражескому судоходству, рубить линии снабжения, топить купцов. Эскадренное сражение – это от безысходности. Любой эсминец на порядок превосходит любую подлодку в бою на поверхности. И любой корабль спокойно уйдет от находящейся на перископной глубине подлодки. Это аксиома.

– Они не так беззащитны. Сколько наших погибло в Атлантике?

– Пять экипажей, – согласился Котлов.

– Соболев и Карманников налетели на мины в Северном море. Это точно. Разведка подтвердила. На счету английских эскортников остается три корабля. Тоже много. У немцев только два корабля не вернулись на базы.

– Ладно, пошли, – оборвал разговор капитан-лейтенант, заслышав за спиной шаги.

К стоявшим посреди дороги командирам приближалась группа краснофлотцев из службы боевого обеспечения флота. Котлов первым отступил к обочине и увлек за собой Соколова, давая людям дорогу.

– Балтийцы, с заградителя, – заметил старпом.

– Скоро выходим в море, – задумчиво протянул Котлов, глядя в спину матросам.

На душе командира кошки скребли. Неожиданно вспомнилось то старое предсказание бабушки. Неужели все так и закончится? Совсем некстати перед внутренним взором предстало круглое улыбающееся, обрамленное густыми выющимися рыжеватыми волосами и окладистой курчавой бородкой лицо помполита. Неужели этот дурак погубит корабль? «Надо за Махновым приглядывать», – пришло в голову простое решение. По-хорошему, стоило найти предлог, чтобы оставить политрука на берегу, но, как назло, ничего путного в голову не приходило.

Тяжело, когда знаешь, что впереди ждет беда, а ничего сделать не можешь. Неприятное чувство, как будто твой корабль прет полным ходом на мель, но дать задний ход или переложить руль нельзя. Остается только стоять на мостике и считать про себя последние минуты. Делиться с сослуживцами своими опасениями Виктору не хотелось. Чего доброго засмеют.

А еще хуже, если воспримут слова командира всерьез и обеспечат помполиту долгосрочный отдых в госпитале с тяжелыми телесными. Дело, мать их за ногу, подсудное.

Последние дни перед отплытием прошли скомканно. Все куда-то спешили, неожиданно возникали непонятные проблемы и вопросы, и, как всегда, все планы и графики отправились коту под хвост. Знакомая военным морякам предпоходная суета и неразбериха. Беготня, спешка, суестьющееся начальство, сыплющиеся одно за другим распоряжения, нередко противоречащие друг другу. Одним словом – большой аврал.

Наконец все улеглось, успокоилось. Неожиданно в последний момент выяснилось, что всё мы успели, всё подготовлено, запасено, отремонтировано и снаряжено. А то, что не успели, оказалось неважным, несущественным, не стоящим выеденного яйца по большому счету. Привычное дело. Знающие моряки относились к таким авралам спокойно: дескать, всё знаем, всё понимаем, что от нас требуют, исполним, а если начальство дурное, так виду не подадим, отпаруем, как положено, а сделаем все, как надо.

Во второй половине дня 20 августа наконец-то собравшиеся в Тронхейм-фьорде дивизионы подлодок отдали швартовы, и одна за другой отчалили в море. Капитан-лейтенант Котлов в момент отхода стоял на мостике своего «Красногвардейца». Радостное и одновременно грустное событие. Построение команды на палубе корабля. Равнение на флаг! Лица ребят светятся, глаза горят, все в чистой отутюженной форме, все гладко выбриты. Даже помполит глядит орлом, горделиво выпячивает подбородок. А что уж говорить о моряках?!

Короткие команды, доклады старпома и командиров боевых частей. Все в порядке. А иначе и быть не может. Идем в боевой поход. Командир командует: «По местам!» Сам спускается в центральный пост вслед за людьми. Радостно фыркают дизеля. От выхлопных труб идет сизый дымок. Боцманская команда отдает концы, и подлодка медленно отваливает от борта «Умбы».

Д-3 «Красногвардеец» идет восьмым. Первыми военную базу покидают быстроходные «эски», следом идут комбинированные «Ленинцы». За ними два «Декабриста». Последними от причалов и плавбаз отваливают «Щуки». Колонны кораблей движутся неторопливо. Фарватер считается сложным, ни у кого нет желания опозориться перед лицом трех бригад и налететь на камни в двух шагах от пирса.

– Как прокладывать курс? – словно невзначай интересуется у Котлова штурман. Лейтенант Серебряков хитрит. Знает же, что о цели похода не ведают даже командир и помполит, а все равно на всякий случай интересуется. Наивно.

– В море. Выводи нас в открытое море, – добродушно усмехается Котлов, – а там посмотрим.

– Есть идти в открытый океан. – Лицо Серебрякова расплывается в улыбке.

Командир недовольно косится на старпома, коротко подбадривает наблюдателей и отворачивается к зенитному полуавтомату. Двое артиллеристов держатся рядом с пушкой. Сам командир БЧ-2-3 прохаживается по палубе рядом с носовым орудием. Пусть мы в норвежских водах, но война есть война – бдительность не терять. Мало ли что?

Во фьорде чувствуется небольшое волнение. В глубь залива тянет легкий ветерок. Погода хороша, редкий спокойный день для поздней осени в Северной Атлантике. Правда, спокойствие и благолепие моря обманчивы. Курсирующие над Атлантикой, забирающиеся в высокие широты вплоть до Исландии и Гренландии, облетающие по большой дуге с запада осажденную крепость Британских островов тяжелые самолеты дальней разведки передали, что со стороны Гренландии и Лабрадора идет шторм.

С одной стороны, непогода заставит сбавить ход, а то и загонит на глубину, но зато крейсерам патрулям будет не до подводных лодок, да и не разглядишь среди пенных валов невысокую, скрывающуюся между волнами рубку подлодки, и авиации можно не опасаться. Если

погода позволит, можно будет проскочить Северный Барьер в районе Фарерских островов днем, в надводном положении и крейсерским ходом.

Хотя у Котлова возникло нехорошее ощущение, что в этом походе им не придется прорываться в Атлантику. Он пока вообще не знал, куда они идут. Полученный перед отплытием в штабе бригады пакет полагалось вскрыть после форсирования фьорда, на удалении 50 миль от берегов Норвегии, погрузившись на глубину, в присутствии помполита и старпома, о чем все трое должны расписаться на конверте.

Предосторожности, непривычные даже для советского флота. От этого капитан-лейтенанту Котлову было не по себе. Вида он при людях не показывал, даже наедине со старпомом отшучивался, что, дескать, шпиономания-с. В душе же командир побаивался предстоящего похода.

Все сходилось один к одному, Котлов даже сам с собой поспорил, что им выделили позицию у Оркнейских или Шетландских островов с приказом атаковать только тяжелые боевые корабли английского флота. Кузнецов и Редер, похоже, решили дать надменным лайми эскадренный бой. Пусть бой будет на наших условиях, по планам штабов, но Котлов опасался, что в итоге все произойдет, как всегда, через известное место.

Противник силен, он сильнее соединенных немецкого и советского флотов. Говорить об этом не рекомендуется – распространение панических слухов, так это называется. В условиях военного времени пахнет трибуналом. Сам же для себя Котлов как разумный человек готовился к худшему варианту. Самому худшему, по его разумению. Командир «Красногвардейца» еще не знал, что все его опасения, все его наивные расчеты окажутся сущим пустяком по сравнению с тем, что на самом деле им уготовило союзное командование.

7

– Новости есть? – деловито поинтересовался командир, просовывая голову в люк, ведущий в центральный пост.

– Чисто, товарищ капитан-лейтенант, – отрапортовал штурман, не отрывая головы от окуляров перископа.

– Есть радиogramмы с базы, – высунулся из своей конуры радист.

– Добро. – Котлов прошел через отсек, на ходу ловко обогнул старшину отделения рулевых и лейтенанта Серебрякова, умудрился разминуться с ввалившимся на центральный пост заспанным помполитом и втиснулся в радиорубку.

В помещении корабельных Маркони и без того было тесновато. Все пространство занимала радиоаппаратура. Немного места оставалось для шкафов с журналами и кодовыми таблицами. Сам командир отделения радистов Антон Черемизов скорчился за крохотным столиком, заваленным журналами и таблицами. Как там еще поместился Котлов, уму непостижимо!

Первым делом радист протянул командиру сводку погоды, затем последовали два запроса о местоположении подводной лодки. Черемизов и дежуривший до него радист Седлецкий сразу же после получения отбили квитанции. Заурядная процедура, благодаря которой командование знает, что на корабле получили сообщение и все живы-здоровы, подлодка боеспособна.

Последним, на самое сладкое, Черемизов приберег приказ по бригаде, требующий сменить позицию сегодня ночью. Судя по завитушке подписи на бланке, старпом уже успел ознакомиться с этим приказом. Это как раз было его дежурство. Будить командира ради сомнительной радости прочесть несколько коротких строчек старший лейтенант Соколов не стал. И правильно сделал.

Перечитав радиogramму дважды, Котлов негромко выругался и, выскочив из радиорубки, поспешил к штурманскому столу. Да, все точно, указанный в приказе квадрат позиции находится северо-западнее Оркнейских островов, как раз у выхода из Скапа-Флоу.

Кроме того, в приказе рекомендовалось быть осмотрительным – в квадрате должны быть наши подводные лодки. Сколько и кто именно, не уточнялось. Конспираторы фиговы!

– Прикинь курс, Серебряков, – ворчливо бросил командир.

– Четырнадцать часов хода в надводном положении.

– А если экономическим?

– Я рассчитывал на девять с половиной узлов. Это здесь, у берега, волнение слабое, стоит выйти из-под защиты острова – придется побултыхаться.

– На нет и суда нет, – пробурчал Котлов.

Подводная лодка провела на позиции двое суток. Над Атлантикой бушевал шторм, и капитан-лейтенант специально держал свой корабль близ береговой линии острова Мейкленд. Здесь, в тени скалистой громады острова, волнение было терпимым. Можно было крейсировать вдоль побережья в надводном или полупогруженном положении, не превращая стальные отсеки корабля в грохочущий, вибрирующий и вырывающийся из-под ног ад. Вражеских самолетов Котлов не боялся. В такую погоду только сумасшедший рискнет подняться в небо, и только очень везучий человек сможет это сделать.

Кроме того, восточное побережье Шетландских островов считалось прекрасным охотничьим местом. Возвращающиеся с патрулирования в высоких широтах корабли, по разумению командира «Красногвардейца», должны были стремиться проложить свой курс вдоль восточной линии береговой черты, дабы дать своим командам небольшой отдых от шторма. Раз уж распечатанный после выхода в море приказ предписывал не отвлекаться на безоружные транспорты и атаковать только боевые корабли и вспомогательные крейсера, то грех было не воспользоваться удачной нарезкой позиции.

Котлов не знал, кому из товарищей не повезло получить квадраты западнее и севернее архипелага. Можно было предположить, что у Шетландских островов патрулируют «Декабристы», «Ленинцы» и «эски». А может быть, из больших и средних лодок на этом участке только Д-3. Крупных морских лодок у нас мало, куда больше средних «Шук» с небольшой дальностью плавания.

Как бы там ни было, но за двое суток патрулирования наблюдатели «Красногвардейца» заметили только один эсминец и крупное торговое судно, шедшие курсом на север. Дистанция и курс в обоих случаях не позволили выйти в атаку. Гоняться же на подводной лодке за эминцем считается развлечением для абсолютно отчаянных безумцев.

Подлодка может лишь надеяться, что корабль пройдет на расстоянии в 10—15 кабельтовых от субмарины и подставится под удар. В противном случае пуск торпед приведет только к тому, что охотник и дичь поменяются местами. И как показывает опыт, у современных противолодочных кораблей неплохие шансы если не потопить, то серьезно повредить подлодку.

Поразмыслив, капитан-лейтенант решил не мешкать с исполнением приказа. Хронометр показывает 12.36. На поверхности волнение в 3—4 бала. Метеосводка обнадеживающая, шторм утихает, к ночи должно распогодиться. Самое время совершить пробежку до новой позиции, пока облачность и снегопад закрыли небо для самолетов.

Лично решив проверить дизельный отсек и поинтересоваться у командира БЧ-5 состоянием моторной группы, командир направился в кормовые отсеки. Не успел он взяться за комингс люка дизельного отделения, как из центрального поста донесся громкий, радостный вопль штурмана:

– Вижу корабль!

– Боевая тревога! – вторил ему крик лейтенанта Донцова.

Командир торпедно-артиллерийской части только-только выполз из жилого закутка, но среагировал лейтенант как надо. Сказались выучка и приобретенный за два боевых похода опыт.

– Мотористы, приготовиться к погружению! – бросил Котлов и мелкой рысью метнулся на центральный пост. Быстрее, пока тесный коридор не наполнился спешащими по своим постам моряками.

Прильнув к окулярам, командир повернул зенитный перископ вокруг оси. Точно, со стороны кормы приближается крупный корабль. Судя по силуэту, старый крейсер или эсминец. Подлодка медленно идет в полунадводном положении на электромоторах. Дистанция 20—25 кабельтовых, точнее пока не определить. Заметить на фоне берега низкую ныряющую между волнами рубку подлодки немыслимо, но Котлов командует погружение на 10 метров.

– Носовой отсек к бою готов, – докладывает лейтенант Донцов.

Торпедист успел оценить ситуацию и приготовился к атаке. Впрочем, скорее всего, свою роль сыграл старшина группы. Анашенков мужик серьезный, своих людей не распускает, держит в ежовых рукавицах. Торпедисты втихую скулят, жалуются на старшину, но зато свое дело знают туго. В торпедных отсеках всегда порядок, аппараты исправны, баллоны со сжатым воздухом проверены и заправлены, торпеды надежно принайтованы и смазаны тавотом. Еще не было такого случая, чтобы при выстреле торпеды заклинила или аппарат беспузырьковой стрельбы отказал.

Зато с командиром группы комендоров лейтенанту Донцову не повезло. Владик Сомов хоть и прослужил на флоте 15 лет, но в чинах дальше старшины не поднимался. Всеми виной были его безалаберность и любовь к спиртному. За это неоднократно и горел. Владика спасали только его беззаветная верность флоту, легкий характер и наивная полудетская улыбка, которую он нацеплял, как только вляпывался в очередную историю. Помполит как-то в сердцах обозвал Сомова Швейком. Так это прозвище к комендору и прилепилось, особенно после

того, как Махнов объяснил людям, кого он имел в виду, да еще притащил на подлодку книгу Ярослава Гашека.

Неизвестный корабль идет прежним курсом, дистанция медленно сокращается.

– Малый вперед, – срывается с губ Котлова, – право руля. Так держать.

– Атакуем? – кивает старпом и тут же добавляет: – Лезет в первый угол.

– Лишь бы не отвернул. Мы его не догоним. Не могу понять, что за посудина. Лидер «Харви» или «Джервис»? Эсминец?

– Это крейсер, – уверенно заявляет завладевший вторым перископом командир БЧ-2-3, – старый крейсер тип «Ц». И дистанция 25 кабельтовых, не меньше.

– «Карслай», «Серес» и прочие, – проявляет свою осведомленность штурман. – Старая посудина времен прошлой войны. Небольшой, четыре с половиной тысячи тонн, скорость до 29 узлов, бронирован, несет пять шестидюймовок в щитовых установках, несколько зениток.

– Противолодочного вооружения нет, – продолжил Донцов.

– Кто бы там ни был, цель хорошая. Стоит колупнуть.

Подлодка тем временем неторопливо ползла навстречу противнику. Английский крейсер не менял скорость и курс, видимо, его командир и не подозревал, что у Шетландских островов могут патрулировать советские или немецкие подлодки. Или же он надеялся на скорость – крейсер держал ход в 16 узлов.

– лейтенант Донцов, рассчитайте торпедный угол на дистанцию в 5 кабельтовых.

– Пять?! – Брови Бориса Алексеевича медленно поползли вверх.

– Трехторпедный залп. – Котлов буквально выстреливает короткими командами.

Не время размусоливать и гадать, что почем. Противник приближается. Острый скошенный нос режет волны, вдоль бортов корабля бегут пенные буруны. Над обеими трубами клубится легкий дымок.

«Две трубы! – щелкает в мозгу Котлова. – Английские эсминцы все однотрубники». По меткам на визирном кольце перископа уже видно, что дистанция сократилась до десяти кабельтовых.

В отсеках подлодки тишина, люди невольно переходят на шепот, как будто противник может их услышать через толщу воды. Только тихо жужжит гирокомпас и из кормовых отсеков доносится гул вентиляции. Стармех готовится к немедленному пуску дизелей на случай экстренного всплытия.

– Носовые. Четвертый, пятый, шестой аппараты, товсь!

– Торпедный отсек к стрельбе готов. Выставлена глубина 4 метра.

– Хорошо, это очень хорошо. Давай, помаленьку, давай, родимый, – шепчет командир.

В этот момент боцман роняет гаечный ключ. На центральном посту все невольно вздрагивают от грохота. Штурман резко выпрямляется и чувствительно бьется затылком о шкаф манометров балластных цистерн.

– Тьфу ты, черт! Напугал, ирод, – срывается с губ помполита.

Неожиданный возглас и особенно последнее замечание вызывают на лица жизнерадостные улыбки. Почувствовав себя в центре внимания и понимая, что сморозил нелепость, политрук Махнов пытается исправить положение. Он подходит к штурману и внимательно разглядывает через его плечо карту. Удовлетворительно хмыкает и негромко интересуется:

– По нормативам на крейсер требуется две торпеды. Почему вы, Виктор Николаевич, собрались стрелять тремя? Перерасход боеприпасов.

– Для верности. Чтоб ни одна сука не всплыла, – безразличным тоном бросает в ответ Котлов, не отрываясь от перископа. В душе у него все кипит, но внешне командир сохраняет спокойствие. В отличие от помполита он надеется хоть на одно попадание. Даже новые торпеды не отличаются надежностью, уже были случаи, когда взрыватели не срабатывали.

– Начинаю отсчет, – звучит голос старпома. Соколов готовится взять на себя командование стрельбой.

– Машинам стоп.

В этот момент подводная лодка сбрасывает ход. Вперед она движется только по инерции. Еще полминуты, и корабль останавливается. На глубине волнения нет. Ничто не может сбить корпус подлодки с линии прицеливания. Торпедные треугольники рассчитаны. Остается только дожидаться, когда крейсер доползет до расчетной точки, и можно стрелять. Крышки трех аппаратов открыты, торпедисты стоят у пусковых приборов. Руки на рычагах и кнопках.

На крейсере до сих пор не поняли, что они на мушке. Три часа назад командование флота метрополии получило панический рапорт от патрулирующей в Норвежском море крейсерской эскадры: обнаружен «Шарнхорст». Линкор в сопровождении трех крейсеров идет по направлению к Исландии. Новость ждали давно. Адмиралтейство готовилось к очередной попытке прорыва в Атлантику вражеских рейдеров.

На перехват немцев вышли тяжелые корабли. Два линейных крейсера, форсируя машины, понеслись напрямик к Фарерско-Исландскому порогу. Следом за ними готовятся сниматься с якоря «Худ» и три восьмидюймовых крейсера. Патрулировавший в проливе Святого Георга «Арк-Ройал» взял курс на запад, ему предстоит полным ходом проскочить через зону шторма, поднять самолеты и немедленно начать поиск вражеских кораблей, если таковым удастся прорваться в Атлантику. Для огневой поддержки и прикрытия авианосца выделено крейсерское соединение.

Все конвои и одиночные суда в восточной части океана получили предупреждение и ложатся на новый курс. Тяжелая машина Королевского флота пришла в движение. Раскрутился огромный маховик, готовый накрыть и раздавить своей массой дерзких джерри.

Одним из винтиков этого маховика, звеном гигантской сети был и крейсер «Кардифф». Ему предстояло пройти восточнее Шетландских островов и встретиться с двумя легкими крейсерами и дивизионом эсминцев на траверзе острова Анст. Дальнейшие действия соединения зависели от уточненных разведанных. Либо им придется догонять и добивать вражескую эскадру или вести поиск, либо перехватывать немецкие транспорты снабжения и русские вспомогательные крейсера. Лорды Адмиралтейства были уверены, что кораблям противника не обойтись без дозаправок в океанской зоне.

Командование эскадры считало, что угроза вражеских подводных лодок восточнее Фарер ничтожна. В основном вражеские подводники действуют на западных подступах к Британии и в Бискайском заливе. Тем более разведка докладывала, что немецкие и русские подводники снизили свою активность. Корабли концентрируются в портах и проходят среднесрочный ремонт, видимо, техника не выдержала напряжения во время последних конвойных битв.

Радиограммы с крейсера «Саутгемптон» и эсминца «Викинг», потопивших вражескую субмарину у острова Анст, пришли слишком поздно. На мостике «Кардиффа» до последнего момента не подозревали о поджидающей их опасности.

– Малый вперед. Держать глубину, – командует капитан-лейтенант Котлов. – Пятый, пли! Шестой, пли!

Подлодка вздрагивает. Нос подпрыгивает вверх. На мгновение ограждение рубки показывается на поверхности и вновь скрывается под волнами. Данный электромоторами импульс позволяет боцману среагировать рулями и быстро вернуть лодку на глубину.

– Цистерны не трогать! – Старпом останавливает потянувшегося было к вентилям боцмана. – Рулями работай. Рулями.

– Четвертый пли!!! – выпаливает Котлов и в азарте бьет кулаком по бронзовой трубе перископа. – Пошли родимые.

Дистанция ничтожна. Поставленные на максимальную скорость в 44 узла торпеды типа 53-38 меньше чем за минуту достигли борта английского крейсера. Два водяных столба почти

одновременно выросли у носового плутонга и первой трубы «Кардиффа». Ужасный грохот. Взметнувшиеся выше надстроек массы воды обрушиваются на палубы корабля. Подводные удары бросают крейсер на правый борт. Люди не успели прийти в себя и понять, что происходит, как под винты ударила третья торпеда.

Агония «Кардиффа» длилась считанные минуты. Капитан-лейтенант Котлов мог быть доволен – на этот раз оружейники не подкачали, загрузили хорошие, надежные торпеды. Разумеется, командир бригады перед выходом в море предупреждал подводников, что специально для них привезли особо качественные торпеды бригадирской сборки, но поверили ему, только когда сами убедились: торпеды с курса не отклоняются, на поверхность не выскакивают, взрыватели работают как надо, а не как сами захотят.

Убедившись, что цель поражена, командир скомандовал всплытие и повернул корабль курсом на юг. Преследования подводники не боялись, вражеский крейсер шел один, без сопровождения эсминцев. Единственно, существовала опасность быть замеченными с береговых наблюдательных постов. Угроза по большому счету незначительная, если кто и заметит подлодку, так пока передадут разведданные морякам, пока разберутся иотреагируют, время уйдет.

Котлов не намеревался задерживаться в этом районе. Даже если радисты потопленного крейсера не успели дать SOS, на берегу должны были обратить внимание на гибель корабля. Такое зрелище трудно не заметить. Через пару часов здесь будет шумно – подтянутся сторожевики или большие катера.

«Красногвардейцу» давно уже было пора зарядить аккумуляторы. Так почему бы не совместить это дело с броском в заданный штабистами новый район патрулирования? Солярки в цистернах с избытком, команда устала от спертго воздуха герметически закрытого корпуса, да и самому командиру жутко хотелось курить. С трубкой в зубах, жадно затягиваясь крепким табаком, Котлов и стоял на мостике, вглядываясь в даль через залитые водой стекла ограждения.

– Идем к Скапа-Флоу? – как бы невзначай спросил помполит.

Махнова тоже вынесло на открытую с боков и тыла, продуваемую ветрами и заливаемую водой подпрыгивающую под ногами крошечную площадку на крыше рубки. Видимо, решил подышать свежим воздухом и немного успокоиться после боя. Командир понимал, на корабле не осталось ни одного человека, который мог бы пожаловаться на недостаток впечатлений от прошедшего боя. Далеко не в каждом походе подлодка выходит в атаку на крупный, хорошо вооруженный быстроходный военный корабль, и еще реже атака завершается победой.

– Я не Гюнтер Приин, – усмехнулся Котлов, – в пасть льву не полезем.

– В приказе сказано: патрулировать у восточного прохода.

– Вот там мы и будем караулить, – отрезал командир.

Командир не собирался раскрываться перед помполитом, и так уже сболтнул лишнего, но он до дрожи в коленках боялся предстоящего рейда. Знал, что англичане ведут плотное патрулирование акватории в районе своей главной базы.

После знаменитого прорыва в Скапа-Флоу U-47 и потопления «Ройал Оук» британцы постарались запечатать все лазейки и перекрыть все подходы еще на дальних подступах. Опасения вызывали и противолодочные корабли со знаменитым прибором АСДИК. Специальные эхолоты, позволяющие обнаруживать подлодки и прицельно сбрасывать глубинные бомбы. Страшная, должно быть, вещь.

Виктор Котлов считал, что его экипаж приближается к смертельно опасному району. В действительности «Красногвардеец» с каждой пройденной милей удалялся от яростного сражения за Фарерский барьер. Простых командиров подлодок не информируют о не касающихся их оперативных планах. Вот и капитан-лейтенант Котлов пребывал в счастливом неведении о ночном десанте на Фареры, гибели на минах эсминцев «Куйбышев» и «Теодор Ридель», отча-

янном рейде «Шарнхорста» и крейсеров к берегам Исландии, дерзком броске через Норвежское море «Гнейзенау» и «Максима Горького».

Да, на севере разворачивалось большое сражение. Вроде бы разрозненные группы немецких и советских кораблей вышли в море, демонстрируя попытку прорыва в Атлантику. Одновременно произошла дерзкая сумасшедшая высадка полка СС на Фареры и переброска на единственный гидроаэродром архипелага поплавковых самолетов. Занявшие заранее позиции подводные лодки сторожили море, вытягивались завесами на возможных путях подхода английских эскадр.

Уже гремели первые залпы, ледяные волны захлестывали палубы тонущих кораблей. Над холодными просторами раздавался безмолвный вопль утопающих моряков и десантников. Среди туч скользили силуэты поднятых с норвежских аэродромов дальних разведчиков. Сражение за Фарерский барьер началось. Темные водяные валы окрасились кровью.

Никто, кроме немногих посвященных, пока не знал, что все это только прелюдия, отвлекающий маневр перед началом сражения за Англию. В штабах уже были заготовлены приказы, предписывающие соединениям прекратить бой и отрываться от противника. Готовились маршруты отхода. В море вышли флотские танкеры и транспорты, готовые пополнить припасы и боекомплект, залить под завязку топливные цистерны эсминцев и крейсеров. Главной целью Фарерской операции было вытягивание английского флота в море, выматывание противника, навязывание ему искаженной картины театра военных действий, отвлечение от действительно важного морского района.

Поздней ночью наблюдатели на мостике «Красногвардейца» заметили огни на далеком берегу. Суша. Остров Сандей. Несмотря на военное положение, к светомаскировке на Оркнейском архипелаге относились спустя рукава.

Переход к новой позиции прошел спокойно. Волнение стихало. Шторм прекратился. Легкие патрульные суда противника еще не успели выйти из портов, заливов и других укрытий. Только один раз с Д-3 заметили на горизонте вражеский корабль. Дистанция была приличной, и подлодка спокойно проскочила мимо эсминца в надводном положении. Еще пару раз наблюдатели видели дымы на горизонте.

Кто там, и что, и куда шло, командиров подлодки не интересовало. Атаковать транспорты командование запретило, а встречаться с боевыми кораблями в невыгодной позиции Котлов сам не хотел. Удача – девица ветреная, любит только умных и расчетливых, тех, кто не рискует почем зря.

8

Ночью Д-3 малым ходом крейсировала на траверзе острова Мейнленд. По здравом размышлении Котлов решил не заходить на мелководе и держаться на дистанции предельной видимости островов. Опасения вызывали минные поля в районе английской базы.

Под утро наблюдатели с мостика заметили корабельное соединение, идущее 16-узловым ходом вдоль берега. Расстояние и ночная тьма не позволяли даже приблизительно определить типы кораблей. Похоже на линкоры в сопровождении крейсеров и эсминцев. Но только похоже. Белкой взлетевший на мостик капитан-лейтенант Котлов до рези в глазах вглядывался в темные силуэты кораблей. Далеко, идут быстро, не догнать.

– Что там? – Старший лейтенант Соколов бесцеремонно дернул командира за рукав реглана.

– Эскадра, десяток вымпелов должно быть, – задумчиво протянул Котлов и, резко обернувшись, скомандовал: – Полный ход! Руль вправо!

– Погоня? – Лицо штурмана расплылось в широкой улыбке.

– У нас 14 узлов, – заметил старпом, – не догоним.

– Ну, так хоть согреемся, – хохотнул Анатолий Серебряков.

Штурман искренне полагал, что лучше пробежаться вслед за вражеской эскадрой, чем болтаться в опасной близости от вражеской базы. Чего доброго, если не на мину, так на противолодочный патруль напорешься.

– Радисту, срочно радиограмму в штаб! – прокричал в люк Виктор Котлов. – Обнаружено вражеское соединение. Идет курсом норд-ост со скоростью 15 узлов. В составе два линкора, крейсера, эскорт миноносцев. Удерживаю визуальный контакт.

– Светает, – старпом махнул рукой в сторону открытого моря.

– Передай помполиту, пусть шифрует сообщение и подписывает, – пробурчал командир.

Да, позиция не самая лучшая, вскоре лучи поднимающегося солнца осветят подлодку, тогда как вражеская эскадра еще несколько часов будет в тени.

– Идем дальше, – жестко с нажимом произнес Котлов.

Погоня продолжалась еще час. Английские корабли держали 14—15 узлов, это как раз предельная скорость «Красногвардейца». Небо над головой светлело, на востоке из-за моря выглянул багровый диск солнца. Несмотря на опасения старлея Соколова, англичане подлодку не обнаружили или просто не предпринимали никаких действий, чтоб отогнать нахалов.

Наконец вражеское соединение повернуло на норд-ост-ост. Теперь уже можно было разглядеть, с кем пришлось иметь дело. В голове ордера три эсминца. За ними идет крейсер типа «Таун». Следом два линкора: «Родней» и старичок класса «Куин Элизабет». На флангах держатся еще 5 эсминцев. Эскадра сильная, не дай бог нашим встретиться с ней в открытом море. «Шарнхорст» и «Гнейзенау» в случае чего могут рассчитывать только на скорость, а нашим «Октябрине» и «Марату» и надеяться не на что. Расстреляют, как на полигоне.

– Как думаешь, куда их несет? – пробормотал Котлов, и сам же себе ответил: – На север к Фарерам или Исландии.

– Надеешься перехватить? Курс неудачный. Придется догонять.

– Не догоним. Сейчас они форсируют проход в заграждении. Видишь, скорость сбросили. В море наберут 16—18 узлов и ручкой помашут.

– Что делать? – вопрос принадлежал помполиту.

Никто и не заметил, как Махнов поднялся на мостик.

– Держать прежний курс, – улыбнулся Котлов, – а там посмотрим.

Над морем сгустилась дымка тумана. Еще полчаса, и видимость упадет до 10 кабельтовых, а то и меньше. Все понимали, что в любом случае придется отказаться от погони. Еще

полчаса-час, и командир будет вынужден вернуться на прежнюю позицию и ждать, когда туман рассеется.

Вражеское соединение удалилось от берега на 3—4 мили. Очередной поворот, корабли ложились на прежний курс. Значит, минное заграждение пройдено. Вдруг у борта «Роднея» взметнулся водяной столб. Пять-шесть секунд, и до застывших от неожиданности на мостике подлодки моряков докатился глухой рокот подводного взрыва.

Столб воды осел. Линкор шел дальше как будто ничего не произошло. Но зато эсминцы почти одновременно метнулись на левый фланг ордера. Еще полминуты, и над морем зазвучала грозная музыка грохота взрывов глубинных бомб. С мостика «Красногвардейца» было видно, как два эсминца отстали от эскадры и кружатся в смертоносном хороводе противолодочного танца. Бум! Бум! Бум! За кормой корабля вырастает цепочка взрывов. Разворот. Новая атака. Еще одна серия глубинных бомб.

Чем закончилась дикая охота, на «Красногвардейце» так и не узнали. Сгустившийся туман намертво закрыл горизонт. Вражеские корабли медленно, один за другим, утонули в белесом мареве. Только за кормой подлодки еще долго звучали взрывы. Затем стихли и они.

Котлов распорядился лечь на обратный курс и снизить скорость до семи узлов. По разумению старпома, и этого было много, но спорить с командиром на людях не стал. Капитан-лейтенант спустился на командный пост и направился к радистам. В радиорубке его уже ждала шифровка из штаба бригады.

Зашифровав отчет об увиденном бое, Котлов отдал бланк радиограммы радисту и вернулся в свою каюту. Расшифровка нового приказа не заняла много времени. Закончив писать и перечитав заново текст, командир негромко присвистнул. Содержание радиограммы того стоило. Приказ касался всех подводных лодок Балтийского и Северного флотов.

Им предписывалось незамедлительно идти в Северное море и ложиться курсом на Ла-Манш. При обнаружении вражеских боевых кораблей и вооруженных транспортов атаковать, не считаясь с опасностью ответного удара. При достижении траверза залива Уош подлодки должны будут заполнить бреши в перегородивших подходы к Проливу лодочных завесах. В случае исчерпания боекомплекта торпеды можно получить в портах: Гавр, Дюнкерк, Остенде, Гаага, Харлингген.

Категорически требовалось топить все вражеские корабли, направляющиеся к Ла-Маншу. В конце приказа шло краткое разъяснение. Сегодня ночью, 24 октября, высажены массированные морские и воздушные десанты на южное побережье Англии. Необходимо любой ценой защитить транспорты с подкреплением и прикрыть плацдармы от бомбардировки с моря.

- Твою мать! – Котлов с размаху долбанул кулаком по столу. Стало немного легче.
- Что случилось? – В дверь просунулось озабоченное лицо лейтенанта Донцова.
- Аппараты после вчерашней атаки перезарядил?
- Сразу после боя, – не понял командир БЧ-2-3.
- Вот, еще раз перезарядите, и чтоб всё было готово к бою!

Туман продержался несколько часов. Этого времени хватило, чтобы дойти до северной оконечности Шотландии. Шли в надводном положении. Уточнив положение корабля по наземным ориентирам, Котлов передал вахту лейтенанту Донцову и устроил обход всех семи отсеков, придирчиво осмотрел оборудование, перекинулся ободряющими фразами с матросами.

Отловив в четвертом отсеке Махнова, командир поручил помполиту провести ревизию корабельных припасов, кислородных баллонов, поглотителей углекислоты и спасательных средств. Корабль готовился к бою. Возможно, последнему бою в этой жизни. Котлов с удивлением поймал себя на мысли, что отнесся к этому слишком спокойно, буднично. Как будто так и должно быть. Он отдавал себе отчет, что, если «Красногвардеец» дойдет до района разворачивания лодочных завес, шансы погибнуть возрастают в разы, но и саботировать приказ он не

мог и не хотел. Военный моряк слишком хорошо представлял, что такое войсковой транспорт под прицелом орудий. А на транспортах люди, наши и союзники.

Переход до южной части Северного моря занял больше двух суток. Несмотря на хорошую погоду, большую часть маршрута подлодка проделала в надводном положении. Основной и самый страшный враг субмарины – авиация куда-то подевалась. На Д-3 всего три раза играли срочное погружение ввиду самолетов. Да и то, замечавшие воздушного противника наблюдатели не могли толком сказать, англичанин это был или наш.

Куда больше беспокойства доставили легкие противолодочные силы. Обычно ночью шли спокойно, без происшествий. Только в районе мыса Киннэрдс-Хед несший вахту старпом с удивлением обнаружил, что подлодка неизвестно сколько времени идет параллельным курсом со сторожевиком. Старлей не растерялся, сориентировался в обстановке и, не поднимая тревоги, распорядился переложить руль налево. Вскоре неопознанный корабль растворился в ночной тьме.

Жизнь – это жизнь. О происшествии было доложено только при смене вахты. Котлов сначала выговорил помощнику за то, что тот не разбудил командира и не вызвал артиллеристов к орудиям, но по здравом размышлении согласился с правотой Филиппа Соколова. Противник вполне мог оказаться зубастым и дать сдачи как следует.

Возможность пострелять по движущейся цели выдалась на следующий день. Подлодка шла в открытом море, держась на достаточном удалении от английских минных полей вдоль восточного побережья Острова. В 10.23 матрос на мостике обнаружил на кормовой раковине небольшой корабль. Дистанция в 4 мили. Идет быстро.

На этот раз на Д-3 объявили боевую тревогу. Несший вахту командир БЧ-2-3 решил принять бой. Противник по силуэту напоминал противолодочный катер. Быстроходное судно, вооруженное парой скорострельных автоматов или устаревшим «слоновым ружьем», то есть поставленной на морской станок армейской пушкой времен Первой мировой.

Главная задача катера-охотника – заставить подлодку погрузиться и закидать ее глубинными бомбами. Вот этого командиры «Красногвардейца» хотели меньше всего. Экипажу потребовалось всего две минуты, чтоб приготовить корабль к бою. Развернувшись курсом на пересечку противника, советские подводники увеличили ход до полного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.